

Лев Рубинштейн

АЗБУКА
ЕДЕТ
по
РОССИИ

Издательство

"Детская

Литература"

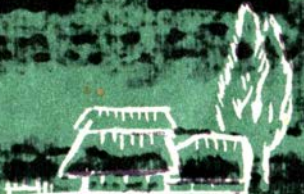

Смоленск

Корчма

Лебедин

Ахтырка

Полтава

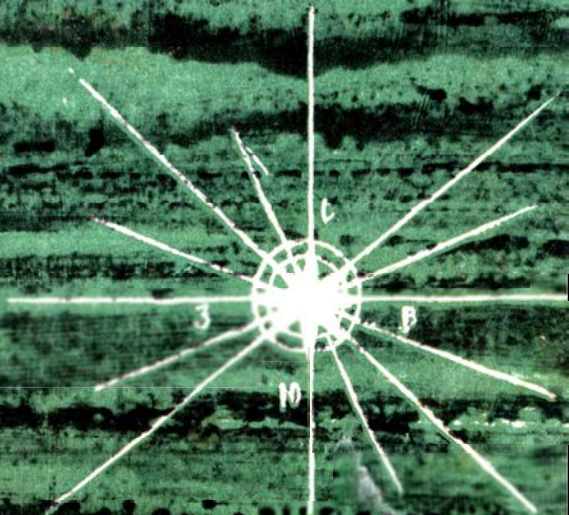
Москва

Брянск

Калуга

Лев Рубинштейн

АЗБУКА
ЕДЕТ
по
РОССИИ

*Историческая
повесть*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»
МОСКВА - 1972

В этой книге рассказано о петровской России — о первых московских печатниках и введении новой гражданской азбуки. По воле случая герой повести едет от Москвы до Полтавы, и его глазами читатель видит картины тогдашней жизни.

Рисунки В. Винокура

СМОЛЕНСКИЙ ШЛЯХ

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

Эхо разносит по сосновому бору топот копыт. Синицы на деревьях перестают петь. Длинноухий заяц выглянул из-за кустика, поглядел и побежал. Лошадей-то он видал, а такого всадника ещё никогда не видел. Лучше спрятаться.

Всадник в треугольной шляпе с галуном. На шее у него блестящая бляха, мундир зелёный с красными отворотами, на ногах высокие сапоги-ботфорты. Он скачет галопом, и ветер раздувает его плащ. Плащ этот, как облако чёрного дыма, реет за его спиной. За ним, в нескольких шагах, скачет ещё один всадник, и тоже в треуголке, в мундире, с ружьём за плечами.

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

Навстречу им бежит Смоленский шлях — дорога то светлая от песка, то коричневая от грязи, то затопленная водой, то проросшая корнями деревьев. По такой дороге ехать быстро можно только зимой.

А сейчас апрель — медлительная белорусская весна, нежная, таинственная, с последними клочьями тающего снега, с туманами, с тёплыми дождями, с криками зверей в лесу, и не сразу разберёшь, то ли медведи рычат, то ли лоси подрались, то ли туры ломают ветви.

Местность безлюдная. Кончается бор, начинаются бурые, мокрые поля, за ними серые луга и пустоши. Деревеньки малые, с чёрными избами, похожими на грибы, под соломенными крышами, а на крышах гнёзда аистов. Сизый дым столбом поднимается кверху.

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

В сторону от дороги уходит прямая аллея, обсаженная ясенями. В конце аллеи ров, через него мостик ведёт к тяжёлым, наглухо запертым воротам. На башенке дозорный в меховой шапке с пером, в руках у него мушкет. Это панская усадьба.

Дозорный вглядывается в даль и бормочет сквозь пышные усы:

— О! То не швед, то царский курьер скачет до Москвы! Откуда? Может, от Гродна, может, от Вильна. Царь Пётр всегда в походе... Теперь у Петра две столицы: одна в Москве, другая, новая, говорят, где-то на севере, у самого моря. Но курьеры скачут мимо нас, в старую Москву. Москва — она, говорят, из белого камня, город богатый...

Топ-топ-топ...

Вот ещё одна деревня, но в ней ни души. Ни че-

ловеческого голоса, ни гомона птицы, ни скрипа колодезных журавлей.

Подъехав поближе, всадники останавливают коней. Вместо изб обгоревшие срубы. Тихо. Чёрные балки уныло торчат на фоне зеленоватого весеннего неба. Пахнет гарью.

— Смотри, Тимоха, каково разоренье,— говорит царский курьер.

— Пожар, что ли? — откликается его спутник. Курьер качает головой.

— Гляди на землю. Видишь, копыт сколько! Не иначе, конница прошла.

— Однако войны не было в этих местах, господин поручик. Может статься, паны-шляхта меж собою передрались?

— Нет. Это свейские лазутчики.

— Шведы?

— Думаю, что так. Держи мушкет наготове.

— Слушаю, господин капитан.

Всадники едут рысью, тщательно разглядывая дальний горизонт. Но не видать никого, кроме...

— Эй, Тимоха! Кто там, на пригорке?

— Человек, господин поручик.

— Вижу, что человек. Только мал больно.

Второй всадник приложил руку щитком к глазам и вдруг рассмеялся.

— Паренёк! Босой идёт!

— Ишь ты, глаз у тебя остёр,— проворчал поручик,— и пятки-то босые заметил. А ну, за мной! Эй, парень!

Босой мальчик в длинной холщовой рубашке и широких штанах, услышав за своей спиной топот, заметался и с жалобным криком бросился в кусты.

— Пуганый,— сердито сказал поручик.— Послушай, парень, мы тебя не тронем! Мы свои!

Паренёк, однако, не отвечал. Поручик подъехал к самому кусту.

— Вставай,— сказал он,— не стыдно тебе людей бояться?

Над кустом появилась растрёпанная голова с вихрами золотого цвета. Из-под выгоревших бесцветных бровей угрюмо смотрели два голубых глаза.

— Послушай, парень...

— А я не парень,— произнёс сиплый голосок,— я хлопец.

Поручик улыбнулся.

— Всё едино... Из какой деревни, хлопец?

— Из Смолятичей. Сгорели мы.

Всадники посмотрели назад, на обугленные срубы.

— А люди где?

— Разбежались. Вечером пришли конные, старосту вытащили на правож. «Куда, говорят, хлеб прятали? Где у вас ямы?» А староста не сказал. А они его тесаками порешили. Пошли по избам, добро хватают, людей тащат. И всё лопочут не по-нашему. Кафтаны на них синие, с жёлтыми пасами...

Всадники переглянулись.

— Я говорил — шведы, Тимоха!

— Так и есть, господин поручик. Лазутчики свейские. Стало быть, перешли за Буг и ныне стаями, как волки, рыщут...

— Послушай, хлопец! Вы чьи люди?

— Мы вельможного пана Брагинского,— уныло отвечал мальчик.

— А где пан?

— Сбежал. И правитель его сбежал. И всё добро из усадьбы увезли.

— Почуяли войну... — задумчиво проговорил поручик.— А где же ваши? Отец, мать где?

— Отца убили, а мать давно померла. Братья в пущу побегли и козу увели. А я в лугах был на поясе. Как пришёл — туточки аж всё полыхает. Я целу ночь в орешнике сидел. Потом в лес ходил, искал. Нету никого. Пропала деревня.

— Да,— мрачно подтвердил поручик, понюхав струю гари,— пропали ваши Смолятичи. Ищи людей по лесам. Куда же ты собрался?

— В Москву,— сказал мальчик, шмыгнув носом.

Поручик широко раскрыл глаза.

— В Москву?! Вишь каков! Как же ты добрёшься до Москвы?

— Дойду. Я, пане, дошлый. Ты не смотри, что я мал... Я...

— А есть что будешь?

— Что добрые люди дадут.

— Слышал, Тимоха? А зачем тебе, хлопец, в Москву?

— Москва велика. Там учат.

— Чему учат?

— Азбуке. Я учёный, четыре буквы знаю. Аз, буки, веде, глаголь...

— Много,— вздохнув, сказал поручик.— Что же ты, хлопец... Да как тебя звать?

— Алесь.

— Что же ты, Алесь, захотел в дьячки, что ли?

Алесь оглянулся, как бы проверяя, не слышит ли кто. И потом, поднявшись на цыпочки, сообщил приглушённым голосом:

— Я в воинские хочу...

Тут оба всадника захохотали так оглушительно, что лошади их пугливо наострили уши.

— Что вы смееетесь? — произнёс Алесь, свесив углы своего большого пухлого рта. Его красное, рябоватое лицо всё сморщилось от обиды.

— Не обессудь, любезный, — сказал поручик, отдышавшись. — А лет тебе сколько?

— Не знаю. Я тогда родился, когда у хромого Язэпа лошадь увели.

— Эх ты, — проговорил поручик, — думаешь, весь свет знает, когда у вашего Язэпа лошадь увели? А далеко ли Москва?

— Бают, не так далеко. Ежели под субботу выйдешь, то уж на той неделе придёшь.

— Вот как близко! Ну как, Тимоха, с ним быть? Учёный, в Москву собрался, говорит, недалеко...

Тимоха пожал плечами.

— У вас, господин поручик, дело государево. Дозволено ли с мальчишками забавляться на пути?

— Ну, ну, — добродушно сказал поручик, — не бросать же его, сирого и голодного, волкам на потребу.

— Отдать монахам! — сообразил Тимоха. — До Спасо-Голубинского монастыря довезём, а там...

— Пане военный, — подал голос Алесь, — дозвольте спросить, вы куда скачете?

— В Москву! — отвечал поручик.

— Добре! И я с вами!

На этот раз захохотал один Тимоха. Поручик вяло на него посмотрел.

— Хватит глотку драть, — сказал он, — видишь, парень не из дурачков, голова на месте, только мал ещё... Вот что, Алесь! Полежай ко мне на седло. Удержишься?

— Я и без седла могу, — сказал Алесь и взялся грязной рукой за стремя.

— Ну, ну, потише ты! Сзади меня садись и держись за кушак.

— Ваша воля, господин поручик,— подал голос Тимоха,— а только негоже нам попутчиков брать.

— Ничего,— сказал поручик,— довезём до людей, а там подумаем. Послушай, учёный, ежели спросят на заставе, чей ты, отвечай: государева Преображенского полка поручика Павла Ефремова слуга. Запомнишь? Ну, держись! У нас кони не как у вас — галопом скачут...

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

Пыль поднялась и медленно осела на траву — первая весенняя пыль на солнечной стороне. Лёгкое облачко, ползущее по зеленоватому небу, остановилось и словно задумалось: доедет ли Алесь до Москвы и что ему в Москве делать? Ничего не известно. Облачко не успело добраться до горизонта, как растаяло в воздушном море. Так же исчезли и две конные фигуры — далеко-далеко, за косогором, на краю синего бора.

КОРЧМА

Смоленский шлях, выйдя за Толочин, сворачивает на Три Корчмы.

Когда-то там, на перекрёстке дорог, и в самом деле стояли три корчмы. Но из них уцелела только одна. Над её крыльцом торчал высокий шест с пучком соломы — знак, что здесь путники могут остановиться, накормить коней, выпить горячительного зелья и даже переночевать, положив рядом с подушкой пистолет, потому что в те беспокойные времена каждый путник должен был сам заботиться о своей защите.

Народа в корчме было немного. Какой-то шляхтич, уже сильно выпивший, дремал за столом, положив голову на руки. У окна сидели двое: один седоватый, с длинным жёлтым лицом, в длинном кафтане с бархатным воротником, беспокойно водил по сторонам длинным же носом. Другой, вероятно из панских слуг, одетый в узкую куртку, расшитую шнурами, тщательно зачёсывал за уши свои тусклые светлые волосы.

Старый корчмарь в ермолке, с длинной седой бородой, поставил перед военными зелёную бутылку с водкой и три стакана.

— Хлопцу не надо,— сказал поручик и отодвинул один стакан,— а поесть чего дашь?

— Если пан военный желает приказать гуся... — начал корчмарь.

— Желаю,— сказал поручик.

Тут вмешался длиннолицый.

— Не во гнев будь сказано пану офицеру,— произнёс он,— справедливо ли есть гуся в постный день?

Ефремов улыбнулся.

— На военной службе постов не соблюдают,— сказал он.

Принесли гуся. Поручик с усмешкой глядел, как Алесь жадно пожирает гусятину, выпачкавшись жиром до ушей. А длиннолицый внимательно изучал сумку, которую капитан положил на лавку рядом с собой.

Это была большая кожаная сумка с пряжками и ремнём, чтоб носить её через плечо. Сумка была хитрой работы, с замком. Из-под крышки свисал кусочек материи с восковой печатью, на которой обозначался орёл с широко расставленными крыльями.

— Господин поручик,— тихо произнёс Тимоха, чокаясь с Ефремовым,— как говорится, на здоровье и долгое житьё... А зачем этот длинный нос нацелился на вашу суму?

Ефремов осторожно глянул через плечо, выпил, крикнул и переложил сумку на другую сторону.

Длинный нос заметил это движение, отвернулся к окну и слегка кивнул своему соседу.

— М-гм,— едва слышно пробормотал светловолосый,— то царская печать...

Печать эта привлекла внимание и Алесь.

— Пане военный,— сказал он,— что это в сумке?

— Велено в Москву доставить,— отвечал Ефремов.

— Кто вам велел?

— Дело государево,— важно отвечал Ефремов.

— А что там, в сумке?

— Не тебе знать. И языком, хлопец, болтать не надобно.

— Это, значит, тайна? — торжественно произнёс Алесь.

— Самая что ни на есть,— сказал Ефремов.

— Знаю,— подтвердил Алесь,— у моего старшего братца Ярмола тоже была тайна. Это когда он хотел жениться на панской ключнице Анеле. Только не женился он.

— Почему?

— Анелю продали другому пану. Тот пан граф. Ныне Анеля домовая холопка у пани графини. Её выдали замуж за конюха.

— А Ярмола твсй холостой?

— Так и остался, пане. Да где он?..

Алесь, вспомнив о брате и о сгоревшей деревне,

затосковал. Ефремов это заметил и похлопал Алеся по плечу:

— Не тужи, Алесь. Найдутся родичи твои.

Заночевали в задней комнате. Капитан положил рядом с собой на лавку сумку и пистолет, накрылся плащом и сразу же захрапел. Тимоха расположился на постеленной овчине, а мальчику дали только пук соломы, и он скорчился на полу, подложив руку под голову.

Алесь не спал долго. В узкое окошко заглянул месяц. Недалеко от месяца, на тёмной синеве, блестящая какая-то звезда. В тишине слышно было, как в соседней ко-

нюшне лошади во сне переступают копытами по дощатому настилу.

Алесю приснилось, что он вернулся в Смолятичи и никакого разорения там нет, но нет и людей. Ходит Алесь по деревне и кричит: «Ярмола! Ярмола!» — но никто ему не отвечает. Алесю стало страшно среди пустых изб, и он проснулся.

Всё так же светил двурогий месяц в окно. И тут мальчику показалось, что между месяцем и окном легла чёрная тень.

Алесь приподнялся на локте. Тень выдвинулась подальше, и Алесь увидел очертания длинного носа и ещё более длинного подбородка.

Друг тень пропала.

Через несколько минут створка окна начала тихо открываться наружу.

Алесь привстал на обеих руках. В отворённой створке мелькнула палка с крючком на конце. И этот крючок стал медленно приближаться к сумке, которая лежала на лавке.

Алесь хотел крикнуть, но удержался и проглотил слюну. Крючок бесшумно полз по лавке и нащупывал сумку.

Алесь встал на ноги и вдруг отчаянно ухватился обеими руками за палку. За окном кто-то тихо вскрикнул. Другой голос выругался, и палка с шумом упала на пол.

Капитан вскочил и схватил пистолет. Тимоха поднялся с овчины.

— Воры! — кричал Алесь. — Держи воров!

Ефремов сразу сообразил, в чём дело, распахнул окно и пролез в него с трудом, потому что окно было небольшое.

— Тимоха! — крикнул он снаружи. — Береги суму!

На дворе шла возня. Корчмарь спускался сверху с фонарём в руке и спрашивал, что случилось. Грохнул пистолетный выстрел.

Алесь выбежал на двор. Ефремов шагал из леса с размётанными волосами, держа пистолет дулом вниз.

— Слушай, корчмарь, — сказал он грозно, — кто эти двое, что сидели нынче за столом поодаль?

— Разве я знаю, пан офицер? — жалобно пропел корчмарь. — У меня корчма, а не усадьба. Кто деньги платит, тот и гость...

— Давно они у тебя?

— К обеду прибыли с возком. Возок уехал, а они остались. Говорили, что ждут попутчиков до

Орши... Один вроде духовный, должно быть, из униатов. А второй, как вы сами изволили видеть, панский слуга. Похоже, из охотных людей, может быть псарь...

— И ты никогда их не видал?

— Пореши меня бог на этом самом месте, пане офицер, если я их знаю! Сбежали и за обед не заплатили, чтоб им подавиться рыбной костью!

Ефремов вернулся к себе и, внимательно ощупав сумку, положил её под изголовье.

— Пошли вы спать,—скомандовал он,— а я посижу ещё тут маленько.

Поручик сидел, надо полагать, до рассвета. Алесь сквозь сон видел, как тлел огонёк в его трубке, и слышал запах табачного дыма.

Корчма проснулась рано утром. Ефремов и его товарищи кое-как поели и выпили на троих жбан пива. Расплатившись с корчмарём, капитан приказал Тимохе седлать коней, а сам стал заряжать пистолет.

— Что же с парнем-то, господин поручик,— спросил Тимоха, почёсывая затылок,— в монастырь отвезём али как?..

— В Москву,— сухо отвечал Ефремов.

— Вот как! — удивился Тимоха.— А что с ним в Москве будет?

— Я его определяю в навигацкую школу.

— Господин поручик,— усомнился Тимоха,— ведь он беглый, крестьянский сын... Кто ж его возьмет в школу?

— Добьюсь! — твёрдо отвечал Ефремов.— Всякое бывает!

— Ой ли? — смутным голосом сказал Тимоха и пошёл седлать.

Алесь подошёл к Ефремову, встал на колени

и пытался поцеловать поручикову руку. Ефремов поднял его с полу.

— Я этого не люблю, парень,— сказал он,— но в Москве не осрами меня. Учиться так учиться! России нынче уменье надобнее всего! Поехали!

Уже сидя в седле позади поручика, Алесь робко спросил:

— Пане военный, это воры были?

— Лазутчики,— отвечал Ефремов, не оборачиваясь.— Свейского короля Карлуса люди. Хотели сумку унести, заметили царскую печать. Карлус их далеко разослал по всему краю, гляди в оба!

— Да что вы в сумке везёте? Золото?

— Не знаю,— отвечал Ефремов,— я и не спрашивал. Не положено по военной службе.

Ехали свежачком, ещё туман таял в долу. Солнце вставало. Жаворонки заливались в небе. Слушая их, запел Тимоха, как-то ладно приспособившая свою песню к равномерному цоканью копыт:

Уж вы, горы, вы мои горы, Воробьёвские,
Эй, да ну, чего вы, горы, спородили...

МОСКОВСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ДВОР

Петухи пропели на Москве-реке. Ударил колокол в Кремле, и отозвались колокола по всему городу.

На кремлёвских стенах в последний раз прозвучала переключка часовых:

— Славен город Москва!

— Славен город Орёл!

— Славен город Новгород!

— Славен город Тула!

— Славен город Казань!

И, наконец, от Боровицкой башни долетел отдалённый голос:

— Славен город Санкт-Питербурх!

Караул сменился.

На Красной площади загудели торговые ряды, лавки и ларьки. Заголосили разносчики горячего сбитня и пирогов подовых. Солнце осветило Кремль, и, как пламя на конце свечи, вспыхнула на голубом небе золотая маковка «Ивана Великого».

Москва — город большой и удивительный. То деревянные домишки, прижавшиеся друг к другу, расступаются, чтобы дать место каменным хоромам с затейливыми крышами; то вовсе исчезают дома, и долго тянутся сады, луга, рыбалки и огороды; то снова появляется город, но теперь уже состоящий из отдельных домов, окружённых рощами. И всё это усыпано бесчисленными соборами, церквями, церквушками и просто часовнями, где в солнечный день мрачно и таинственно теплятся в полутьме огоньки свечей и лампад. Стаи галок перелетают с криком с одних крестов на другие.

Колокольный звон тяжело плывёт по городу. Его иногда перебивает барабанная дробь и посвистывание военной флейты. Громко топая сапогами, шагают солдаты в зелёных мундирах. Пузатые лабазники высовываются из полутёмных лавок и, крестясь, шепчут молитвы. Как бы бог не наказал за новомодные платья, кафтаны, чулки и треуголки! Два года тому назад царь приказал всем бороды брить, верхнее платье носить «саксонское», а летом «французскую» одежду.

А ведь борода-то нужна человеку для спасения души... По крайней мере, так говорили в старину.

Бурлит торговая улица у Никольских ворот.

В середине этой улицы возвышается величественное здание с башней и огромными воротами. Над воротами изображены лев и единорог.

Это государев Печатный двор.

Маленький, толстый, живой человечек прыгал между лужами и кучами мусора, помогая себе палкой и придерживая рукой на голове треуголку. Он постучал рукояткой палки в наглухо запертые ворота Печатного двора.

— Кто там? — спросил низкий голос.

— Киприанов Василий, библиотекарь.

Открылась прорезанная в воротах дверца. Маленького человечка на Печатном дворе знали. Сторож поклонился ему низко.

— С чем пожаловать изволили?

— Я к Ефремову, словолитцу, по делу типографскому, — важно проговорил Киприанов.

— Пожалуйте, сударь, в литейную. Они там с утра с мальчишкой.

— С каким мальчишкой?

— С новым. Не иначе, как в справщики его обучают...

Это была шутка. Справщиками на московском Печатном дворе были люди учёные, знающие не только российскую словесность, но и греческую и латинскую. Они проверяли тексты книг перед печатанием и отвечали за их содержание.

У Михаила Ефремова в литейной и в самом деле находился мальчик лет двенадцати, с вихрастой светлой головой и ясными голубыми глазами. На нём была холщовая рубаха, кое-как подпоясанная верёвкой. На ногах были громадные, поношенные сапоги с загнутыми вверх носками. Он забился в угол и оттуда насторожённо разглядывал мастерскую.

Здесь всё было ему ново: и большая печь, в которой горел яркий огонь; и набор ковшей; и множество инструментов, больших и маленьких; и верстаки, возле которых сутились помощники Ефремова; и сам мастер Ефремов, в кожаном фартуке, с волосами, подвязанными ремешком, с седоватой бородой, расчёсанной «лопатой», большой, рыхлый, с угловатым смуглым лицом, на котором пронизательные глаза светились, как угольки.

Киприанов снял с головы треуголку и долго, церемонно раскланивался с хозяином. Ефремов отвечал коротко и устало поклонился один раз и молча вперил в гостя свои светлые глаза.

— Нынче бороду на Москве не скоро сыщешь,— заметил Киприанов.

Ефремов махнул рукой.

— Заплатил,— сказал он,— медною монетою. Ярлык выдали. Хожу в бороде. А о том, что в казну за бороду заплачено, ношу ярлык на шее. Нынче вот как! А?

— Изрядно,— усмехнулся Киприанов,— обрить, оно вроде дешевле...

— Куды мне, старику, бороду брить? Я от молодых лет у верстака, при печатных станах. И штыховал (гравировал), и печатал, и буквы делал. Наше дело важное на Руси — книги делаем. Как же мне без бороды?

— Честь и слава,— сказал Киприанов, проводя рукой по своему гладко выбритому подбородку,— однако и мы ландкарты и таблицы неплохо делаем в нашей новой типографии, и притом бороды не носим — мешает... Вспомни, как его царское величество повелел: Ефремова, словолитца, перевести в новую гражданскую типографию, что под смотрением господина генерала Брюса... А ты где? Что

тебе возле попов-то на старом Печатном дворе окочиваться?

Ефремов с отчаянием замахал теперь уже обеими руками.

— Поликарпов не отпустит! Об этом ему и слова не молвить! Затапчет ногами и прогонит. Он с норовом...

— Вот и выходит не по царской воле,— заметил Киприанов.

— Я человек мастеровой. Поликарпов — мой начальник. Велено мне оставаться на Печатном дворе, а к вам с Брюсом под начало не идти. Да и дело у меня нынче великое. Не время место менять.

— Азбука?

— Она.

— Покажи!

— Не велено показывать.

— Нашёл кого бояться! Я всё и так знаю. Я сам типографщик да ещё и библиотечкарь. Сии литеры сочинял сам его величество. А привёз их из военного походу племянник твой поручик Павел Ефремов в сумке под царскую печатью.

— Верно, так,— смущённо сказал словолитец,— и мальчишку заодно... — Он кивнул головой в сторону

Алеся.— Племянник мой хотел было определить его в навигацкую школу...

— Взяли?

— Не взяли. Поликарпов говорит: «Навигацкая школа не есть для детей крестьянских». Да и в грамоте малый плох, хотя четыре буквы и выучил.

— Эй, послушай,— сказал Киприанов, как бы осенённый внезапной мыслью,— отдай парнишку монахам!

— Зачем? — сердито спросил Ефремов.

— Ты стар и вдов. Куда тебе с детьми возиться?

— Не пойду в монахи,— неожиданно сказал мальчик.

Оба собеседника посмотрели на него с удивлением.

— Кто тебя спрашивает? — сказал Киприанов.— Ты кто?

— Государева Преображенского полка поручика Павла Ефремова слуга.

— Не по годам боек,— проговорил озадаченный Киприанов.

Словолитец улыбнулся.

— И разумом горазд,— добавил он.— Что бы из него печатника сделать?

Киприанов захохотал.

Алесь вздрогнул. Так точно смеялся Тимоха, подручный поручика Ефремова, когда Алесь попросился в Москву.

— Печатника! Ты у Поликарпова спроси. Он ногами затопает!

— И спрошу,— сердито отвечал Ефремов.

— Да грамоте его обучи. Ещё как сказать, научится ли...

— Может статься, и научится,— сказал Ефремов,— я уже давно учеников ищу.

Киприанов достал из-за обшлага своего кафтан клетчатый платок и тщательно вытер лицо.

— Развеселил ты меня, Михайла Ефремыч,— проговорил он,— но не во гнев тебе будь сказано: грамота есть наука, она не для крестьянских сынов сотворена.

— И мы с тобой не боярские сыны,— отвечал Ефремов,— я из московских посадских, а ты из тяглых людей Кадашевской сотни. Однако книги строим и азбуки льём.

Лицо Киприанова сразу стало серьёзным.

— Так что же, покажешь новую азбуку-то?

Ефремов направился к бочке и тщательно вымыл руки. Потом подошёл к шкафчику, отпер его, перекрестился и обеими руками вынул лист.

На этом листе столбиком были изображены буквы — чёрные, жирные, узорные, с завитушками, похожие на вышивку.

— Уставные буквы знаешь,— сказал Ефремов,— а гляди рядом.

Рядом были изображены другие буквы — тонкие, ясные, стройные.

— Новая российская азбука,— торжественно произнёс словолитец.

Киприанов просиял. Как-никак, а был он типографщик, и книжник, и великий знаток своего дела.

Он вытащил из внутреннего кармана увеличительное стекло в роговой оправе и стал изучать буквы.

— «Аз» хорош,— бормотал он,— «буки» хорош... «Покой» толстоват... «Рцы» недовольно хорош, узок...

— Ты без стекла смотри,— сказал Ефремов.— Они для того и сделаны, чтоб разом видно было всякому зрячему человеку.

— Хороши! — вздохнул Киприанов.— Что бы ко мне, в типографию...

— Тебе зачем? Ты таблицы делаешь.

— Ох нет,— тихо сказал Киприанов,— не таблицы... Календарь!

— Какой календарь?

— «Календарь повсеместный, под смотрением его превосходительства господина генерал-лейтенанта Якова Вилимовича Брюса... — проговорил Киприанов, произнося слова нараспев,— изобретением от библиотекаря Василья Киприанова...» Первый календарь российский для всех грамотных людей!

— Да что в нём?

— Всё! На каждый месяц таблица: таблица стояний луны, таблица затмений, а под нею вирши...

— Какие такие вирши?

Егда бо луна под солнце подходаше,
Тогда же убо свет весь помрачаше,
А солнце же бо затмение творяше...

— Мудрено,— сказал Ефремов.

— Подумай и поймёшь! А про весну красную, лето любезное и осень блаженную и всякая девка поймёт.

Киприанов даже раскраснелся от волнения.

На его лысоватом лбу выступили капли пота.

— А ты не хочешь ко мне в типографию идти,— прибавил он и снова полез за платком.

— Да разве моя воля? — отозвался Ефремов.

— Ежели меня к царю позовут, я скажу на Фёдора Поликарпова,— прорвался Киприанов,— что царского указа не исполнил и словолитца Ефремова не отдал. На том прости. Мне пора в типографию... — Он посмотрел на мальчика.— Небось беглый? От помещика?

— Беглый,— отвечал Ефремов.

— Я-то не скажу, а кто другой на него скажет — и заберут у тебя мальчишку. В монастырь! Попомни!

Киприанов решительно надел треуголку.

— И ещё я тебе скажу, друг любезный: дошло до меня, что азбука сия послана была в голландский город Амстердам...

— Зачем?

— Затем, чтоб сделать по ней буквы. И по первопутку зимой в Москву привезть. А приедут с азбукой голландские мастера первостатейные. И будут тою азбукой печатать книги и ведомости.

Ефремов пожал плечами.

— Мы бы и сами обошлись,— сказал он.

— Они латынщики и грамотеи. На всяком языке печатают. Теперь по-русски будут, на вашем Печатном дворе. То ли дело моя, гражданская типография — кого хочу, того беру! Сам себе хозяин! Ну, будь здоров!

Киприанов вышел на двор и глубоко вдохнул в себя воздух.

— Календарь,— бурчал он под нос,— он же месцеслов... Изрядно! Да ещё и лавку завести бы, продавать бы книги... Ефремова всё же переманим, а мальчишку бродячего — в монастырь. Отменно хорошо!

И он запрыгал по лужам, помогая себе палкой.

— Смотри хорошенько! Сие какая буква?
В букваре было пропечатано:

Б

— «Буки», — отвечал Алесь.
— А сия?
В букваре стояло:

А

— «Аз».
— А вместе?
— «Буки, аз» — ба!

Уже второй месяц Ефремов учил Алесья грамоте. Старые, жёлтые страницы букваря переворачивались одна за другой. Алесь привык к букварю. На каждую букву в нём были нарисованы картинки. Например, на букву «Б» была изображена избушка, из двери которой валил дым. Внизу было подписано: «Баня».

На букву «П» рисунок изображал двух танцующих мужиков в высоких шапках. Подпись была: «Пляс сельской».

Буквы были узорные, с завитушками и украшениями. Над строчками, словно птички, летели чёрные значки.

— Что это, Михайла Ефремыч?

— Это титлы, чтоб слова покороче писать. В старину, братец Алесь, бумага дорога была. Писцы старались поменьше места занимать. Вот гляди — что это?

Ефремов изобразил на бумаге:

ДНЬ

— Не знаю.

— «День»!

— Больно мудрено,— сказал Алесь.

Ефремов засмеялся. Его и без того широкий рот расплылся до ушей.

— Так ведь сие, друг Алесь, не для всякого прохожего сочинено, а для книжных людей. Погляди вот и скажи — красиво?

СВЯТАГО БОЖЬЕГО
ДНЯ

— Красиво,— отвечал Алесь,— на мамкин рушник похоже.

— А что значит?

— Ой, не знаю...

— Значит: «От Иоанна святое благовествование»...

Алесь долго смотрел и вздохнул.

— Я этого век не выучу,— сказал он горько.

— И не надобно, дружок,— сказал Ефремов,— повезло тебе в новый век родиться. Теперь другая азбука будет — простая. Вот такая!

Ефремов бережно развернул перед мальчиком лист, на котором выстроились новые буквы:

А а, Б б, В в, Г г, Д д, Е е ...

— Сию азбуку будем лить в словолитне. А потом новыми буквами книги печатать будем — новый букварь. И ежели мне жизни на это не хватит, будешь печатать ты.

Алесь посмотрел на смуглое суровое лицо Ефремова — лицо, словно прокопчённое вечным дымом и жаром словолитни.

— Дедушка Ефремов, не помирай!

— Я и не собираюсь, — сердито сказал Ефремов, — а ты, ежели хочешь стать печатником, учи буквы! К троицыну дню чтоб всю азбуку знал!

— И тогда стану печатником?

— Нет, друг любезный, тому ещё учиться надо. После троицы пойду к нашему управителю Поликарпову. Буду просить, чтоб тебя взяли на Печатный двор.

— А ежели не возьмёт?

— Пойдёшь к монахам,— угрюмо отвечал Ефремов.

С утра до сумерек сидел Алесь над букварём и водил пальцем по страницам.

— «Зело», «иже», «како», «люди», «мыслете»... «З», «И», «К», «Л», «М»...

Старинная азбука была трудна. Каждой букве соответствовало слово, начинающееся на эту букву. И все эти слова надо было знать наизусть.

— «Наш», «он», «покой»... «Н», «О», «П»... «Рцы», «слово», «твердо»... «Р», «С», «Т»...

Далеко остались белорусские пущи. Рыжие высокие сосны поскрипывают под ветром. Тишина, безлюдье. Вечером над болотом туман. Коровы мычат, просят, чтоб их подоили. Стучат друг о друга деревянные вёдра. Бабы босые бегут с подойниками.

Там, в глуши, как будто на дне озера, ничто не движется годами. Всё та же изба с соломенной крышей, всё тот же двор и та же собака на цепи. И забор из жердей, и луговина зелёная, и пение птиц.

Брат Ярмола в лаптях копает яму лопатой. Туда, в яму, спрячут хлеб. Сами мужики будут жить в лесу в землянках. Говорят, война идёт...

Потом красно-жёлтый огонь над избами и столб дыма. Пришёл Алесь со стадом в деревню, и никто не прибежал доить коров. Война пришла.

«Глаголь», «добро», «есть»... «Г», «Д», «Е»...

Алесь заснул над букварём. Светлая копна его волос рассыпалась по столу. Ему казалось во сне, что он слышит не то звук белорусской дудочки-жалейки, не то перезвон московских колоколов.

На троицын день
Алесь с Ефремовым
пошли в церковь.

Это была не про-
стая церковь, а вели-
кий храм. Храм узор-
ный, со множеством
витых куполов, яр-
кий, пёстрый, мень-
ше всего похожий на
церковь, а больше
всего—на торт, укра-
шенный башенками
из разноцветных ле-
денцов.

Это был храм
«Покрова Пресвятыя
богородицы, что на
Рву». В народе его
просто называли «Ва-
силий Блаженный».

Снаружи он весё-
лый, чудаковатый и
лёгкий. Внутри он
тёмный, угрюмый и
подавляющий.

В полутьме волчьи-
ми глазами горе-
ли огни многочислен-
ных лампад. Словно
в глубокой пещере
или на дне колод-
ца чувствовал себя

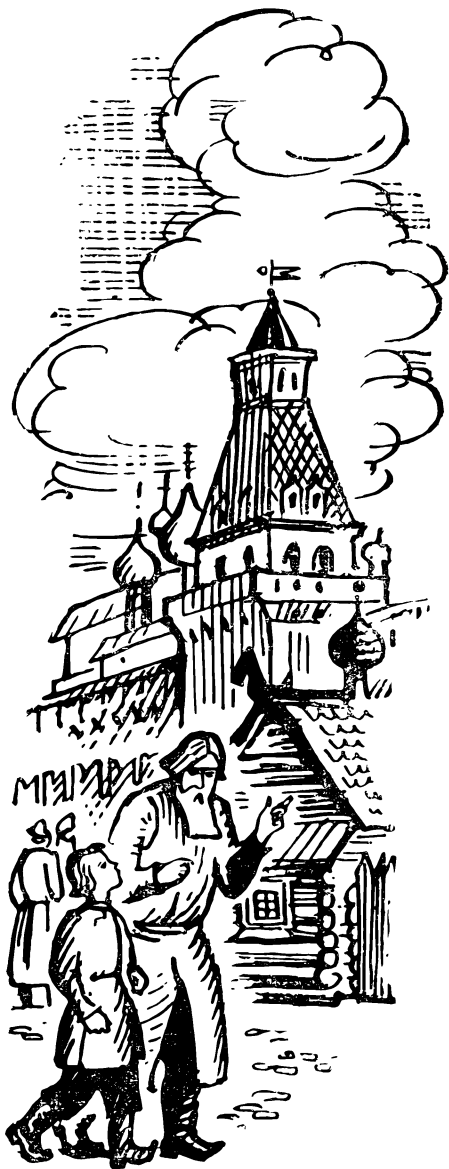
Алесь в этом храме. Огни свечей бросали слабые отсветы на жёлтые лица певцов.

Молодые монахи пели стройно и уныло. Народа в церкви было много, и у многих был такой же испуганный вид, как у Алеся. В этом торжественном сумраке было страшно — казалось, по храму тяжёлой поступью ходит тень царя Ивана Грозного, любителя казней, — при нём и была построена эта пышная церковь. Когда Алесь с Ефремовым выбрались из тьмы на залитую солнцем Красную площадь, мальчик вздохнул с облегчением.

— Помолился? — спросил Ефремов.

Алесь не отвечал.

— Гляди, а то Поликарпов не возьмёт тебя в ученики. Что с тобой тогда делать?

— Да я молился, Михайла Ефремыч! Как вы приказывали!

Ефремов долго молчал.

— Да хорошо ли быть печатником? — сказал он. — Какова судьба печатников? Знаешь ли ты?

— Плохая?

Ефремов провёл пятернёй по волосам.

— Жил здесь, в Кремле, дьякон Иван Фёдоров. Давно это было, при царе Иване. Надумал российские книги печатать. А до него не было на Руси печатных книг.

Ефремов посмотрел на золотые кремлёвские маковки.

— Его сказнили? — догадался Алесь.

— Нет, не сказнили. А только разбили его стан и всю типографию сожгли. А про него слух пустили, будто он чернокнижник и колдун. И спас свою жизнь только тем, что убежал в Литву.

— Пьяные? — поинтересовался Алесь.

— Нет, — сказал Ефремов, — не пьяные! Попы! Алесь испуганно на него посмотрел.

— И Поликарпов — поп?

— Какой же он поп! — кисло отозвался Ефремов. — Он жмот. Но дело знает. Книжник и мудрец, слава ему!

Вот какова она, Москва! Ничего не поймёшь в ней! Первопечатника прогнали, а книги печатают. Управитель типографии учёный человек, но жадный. Киприанов умница, но думает больше о своей выгоде. Ефремов не любит попов, но служит им всю жизнь. Да и сам царь Пётр, бают, человек толковый, но немилостивый.

«Москва слезам не верит» — вот как говорят в народе. Истинно так!

Фёдора Поликарпова раздражал стук. По его разумению, в правильные Печатного двора должно было быть тихо и благолепно. Так и было с тех пор, как построили это здание.

На потолке правильни изображён был свод небесный: на голубом поле золотые солнца и месяц, кругом серебряные облака, а под ними звёзды.

Вдоль стен стояли дубовые столы. Каждый справщик сидел в кресле. Перед ним была наклонная доска, на которой лежали листы с оттисками текста. Перед справщиками стояли каменные чаши с чернилами и киноварью, лежали десятки гусиных перьев разных размеров. К работе приступали торжественно, после молебна. Рабочим и подмастерьям раздавали медные деньги на калачи.

Сам Поликарпов был из простых людей. Десяти лет от роду, сиротой безвестным, поступил он учеником в греческую типографскую школу. Питался квасом, мочёным хлебом и луком, учился девять лет грамматике, диалектике, логике, физике, ораторскому искусству, знал греческий и латинский языки да ещё и по-немецки почитывал. На Печатном дворе служил вначале писцом, потом справщиком, а теперь был уже и управляющим.

Жизнь его прошла возле книг. Вначале он их благоговейно раскрывал и читал, медленно водя деревянной указкой по строчкам. Теперь он их сам сочинял и изготовлял.

В правильной палате, как и в палате книгохранительной, царствовала величавая тишина. Мастера, входя в палату, кланялись в пояс. Разговор происходил шёпотом.

Но сейчас эта тишина была нарушена. Внизу,

под окнами правильной палаты, за Китайгородской стеной, чинили на Неглинной реке мост.

Весёлый стук топоров и молотков раздавался с утра. Поликарпов то и дело раздражённо поворачивался к окну.

— Беспокойный царь,— шептал он в бороду.

Перед ним лежал лист московской газеты «Ведомости». Жирными старинными буквами было напечатано:

«Из новыя крепости Питербурха пишут, что нынешнего июня в третий день господин генерал Чемберс с четырьмя полками конных да с двумя пеших ходили на генерала Кронпорта... Наше войско мост и переправу овладели, наша конница прогнала его в лес, и порубили неприятеля с тысячу человек...»

— Беспокойный царь,— шептал Поликарпов.

— Дозвольте, сударь, войтить,— раздался голос с порога.

Поликарпов нахмурился. Его ястребиные глаза и нос повернулись к двери и в тени сразу определили, кто на пороге стоит.

— Входи, Ефремов,— сказал он.

Ефремов поклонился в пояс иконам, перед которыми теплилось много лампадок. Потом поклонился Поликарпову — не так низко, как иконам, но с почтением.

— Здравствуй,— рассеянно сказал Поликарпов,— просить пришёл?

Его острая бородка уставилась на Ефремова, как указка.

— Ежели дозволите, сударь, я о мальчишке...

— Знаю. Зачем он тебе?

— Мне ученики нужны,— сказал Ефремов.

— У тебя есть ученики — Александров и Петров.

— Мало, сударь мой. Александров и Петров женатые, к делу пришли поздно. Надобно с малых лет учить.

Поликарпов задвигал бородкой.

— Ты, Ефремов, ровно князь какой — подбираешь наследника своему княжеству. Помирать собрался?

— Никак нет, на бога надеюсь. Однако...

— Мастер ты отличный, но хозяин плохой, Ефремов! Добра не скопил, а наследника ищешь.

— Я ищу наследника уменью своему, — тихо отвечал словолитец.

— Покажи мальчишку!

Ефремов открыл дверь пошире. На пороге появился Алесь, золотоволосый, голубоглазый, вымытый, в праздничной рубахе до колен.

— Кланяйся, — приказал Поликарпов, — не так, не так... Сначала богу, потом начальству!

Алесь поклонился и богу и начальству.

— Буквы знаешь? Говори!

— «Аз», «буки», «веди», «глаголь», «добро», «есть»...

— Довольно! С конца читай!

— «Ижица», «фита», «пси», «кси», «я», «о», «ю», «ять»...

— Довольно! Подь сюда! Читай сие!

Алесь покраснел как кумач. Текст, на который указывал сухой палец Поликарпова, был витиеватый и сложный. Над узорными строчками, как птицы, летели чёрные значки.

— Не знаешь?

Сего ради молю вас, читателей,
Паче же искусных книжных писателей,
Аще кто сю имать переписывати,
Потщися прилежно присматривати...

Алесь молчал.

— До разумения книжного тебе далеко,— сказал Поликарпов.

— Дозвольте, сударь, ныне азбука иная будет... — начал было Ефремов.

Но Поликарпов его оборвал:

— Иная? Видел я! В старину таковыми буквами купцы письма отписывали про женитьбу сыновей...

— Однако государь повелел...

— Государь многое повелел: всем бороды брить, однако мы с тобой в бородах.

За окном, на мосту, дружно грянули молотки.

— Закрой окно! — приказал Поликарпов.

Ефремов закрыл. Поликарпов заходил по палате, позванивая связкой ключей, которую он постоянно носил на поясе.

— Молоты бьют, барабаны стучат! Нет более словесной науки, а одно дело прикладное. Всюду чемберсы, брюсы — иноземные еретики. Слова заморские пошли: были «чертежи» — стали «ландкарты». Были «слуги» — стали «лакеи». Были «воеводства» — стали «губернии». Было «войско» — стала «армия». Ныне генералы науки творят!

— Слова иноземные, сударь мой, и ранее были...

— Были? Новые надобно измышлять, а не чужие на скаку хватать! Царь скачет — там врага побил, тут мост построил. Там корабль сколотил, тут азбуку нарисовал... Скок-поскок! Топ-топ-топ...

Поликарпов остановился и стал смотреть в окно. Ключи перестали звякать.

Он молчал долго.

— Было время,— сказал он наконец,— в тиши науки цвели. Книги о высоком повествовали —

о тайнах души, о промыслах священных. Ныне грек-учитель стареет, а ученики шалеют. Киприанов ландкарты и таблицы печатает, а причислен к артиллерии. Зачем тебе ученик? Отдай его в артиллерию!

— Дозвольте, дозвольте, Фёдор Поликарпович,— возбуждённо заговорил Ефремов,— раньше-то наука была за семью печатями, для священства...

— Что орёшь? — грозно сказал Поликарпов.— Ты не на торговой площади! И правильно было! Не для беглых крестьян книг! Поди с мальчишкой своим! Покуда государева приказа не будет — не возьму его! Я учеников беру учёных, из Академии словено-греко-латинской. Сказано у латинян: «сапиенти сат», что значит «учёному довольно»... Итак, ступай!

— Куда же отдать его, Фёдор Поликарпович? Поликарпов звякнул ключами.

— В монастырь! Пусть святой братии дрова колет.

* * *

— Дать надо было,— спокойно промолвил Киприанов.

Он снова сидел у Ефремова в литейной, повернув своё круглое, толстое, лукавое личико к верстаку, возле которого Ефремов стоял с иглой, держа в левой руке металлический брусок-пунсон, с которого отливают букву.

— Мне Поликарпову подарок дать? — недоуменно переспросил старик.

— А что? Он за определение в чины берёт по пять рублей, а то и по десять. С каждого наборщи-

ка по десять копеек в год. Сорока лет ему нет, а дом на берегу реки Москвы построил, дворня у него, две лавки, библиотека в семьсот книг. А жалуются на бедность. Сквалыга!

Ефремов задумался и покачал головой.

— Не дам,— сказал он решительно.

— Куда же пастушка своего денешь?

— У меня будет жить. При книгах.

Дело, однако, оказалось не так просто, как думал простодушный словолитец.

Через неделю к нему на двор пожаловало духовное лицо. Это был человек ещё не старый, с русой бородкой и остро очерченным носом. Он топал сапогами резко и энергично, совсем не так, как положено священникам. За ним шагали два усатых солдата в зелёных мундирах. В руках у них были алебарды.

— Ефремова Михайлу, словолитца, мне надобно! — прогремел гость на весь двор.

— Я, батюшка,— поклонился Ефремов.

Гость вытащил из-за пазухи бумагу, развернул её и прочитал:

— «Ефремову Михайле, словолитцу государева Печатного двора, приказываю его мальчишку, беглого из крестьянов, доставить немедленно в Донской Богородицкий монастырь, отцу эконому Савватию, ради призрения духовного паки телесного. А ежели того не учинит, то платить ему в казну пять рублей, а мальчишку приبلудного доставить в монастырь со стражею, дабы не было другим пагубного примера в укрытии беглых на Москве. Подписал начальник Монастырского приказа боярин Мусин-Пушкин». Уразумел?

Ефремов не испугался. Он запустил ладонь в бороду и проговорил почти неслышно:

— Поликарпов донёс...

— Что — Поликарпов? — грозно спросил гость. Ефремов глубоко вздохнул.

— Прав Киприанов, — сказал он, — пожалуй, батюшка, сделай милость в дом войтить.

Гость помедлил с минуту.

— Войду, пожалуй, — сказал он величественно, — а вы, служивые, подождите на дворе.

Алесь слышал этот разговор из открытого окошка. Пот выступил у него на лбу. Он вспомнил полутьму «Василия Блаженного», огоньки свечей и жёлтые, печальные лица монахов. Его туда хотели отдать на всю жизнь.

«Скорей бежать!» — пронеслось у него в голове.

Но как бежать? Солдаты расхаживали по двору и щупали рукоятками алебард то дверь амбара, то оконце бани. С другой стороны двора, вплотную к дому, стоял высокий забор из кольев.

Алесь спрятался на чердаке.

«Ежели начнут меня искать, — думал он лихо-

радочно,— то вылезу на крышу, а оттуда прыгну поверх забора. Авось проскочу! Я в деревне с со-сен скакал...»

Дедушка Ефремов с гостем говорил долго. Когда гость вышел на крыльцо, нос у него был красный, а глаза соловые.

— Стало быть, мальчишка приبلудный от тебя сбежал,— проговорил он, с трудом шевеля языком,— о чём истинно жалею... Ежели где найдём его, то к святой братии отвезём немедленно. С тем будь здоров!

Он торжественно благословил Ефремова и, покачиваясь, поплыл к воротам. Солдаты переглянулись и последовали за ним. Алесь подождал ещё несколько минут и слез с чердака.

— Не возьмут меня, дедушка Ефремов?—спросил он слабо.

— Пока я жив, авось не возьмут,— отвечал старик,— но смотри со двора никуда не выходи да попам на глаза не попадайся. Прав был Киприанов... Ах, Поликарпов, ах, жмот! Изо всего деньги вышибает!

МАСТЕРА И ПОДМАСТЕРЬЯ

В январе 1708 года в Москву прибыли в закрытом возке четверо людей, закутанных до ушей в медвежьи шубы. Это были типографщики из далёкого города Амстердама: почтенный словолитец Антон Тильманс, он же Демей, почтенный наборщик Гендрик Сильбах, почтенный печатник и набойщик Ян Фоскул, почтеннейший переводчик и справщик Илья Копиевич.

Проезжая мимо стен Кремля со стороны Троиц-

ких ворот, типографщики велели остановить возок и вылезли на улицу.

Узорные зубцы крепостных стен были занесены молодым снегом. На мосту через замёрзшую Неглинную реку неподвижно возвышались караульные в тулупах и треугольных шляпах. Они держали на плечах алебарды. За их спинами неторопливо перезванивались колокола кремлёвских церквей.

— Красиво! — промолвил Тильманс, склонив голову набок.

— Но холодно, — добавил Сильбах, переминаясь с ноги на ногу.

— А вы как думаете, почтенный Фоскул? — спросил Тильманс.

— Никак, — отвечал Фоскул, равнодушно глядя на Троицкие ворота, — я начну думать тогда, когда мне начнут платить.

— Почтенный Фоскул близок к истине, — сказал Копиевич, — ибо если наш набор нового русского шрифта царю не понравится, он велит своему рисовальщику Куленбаху отдать рисунки букв русским словолитцам на Печатный двор, а нас сразу же отправит в обратный путь.

— Возможно ли это?! — воскликнул Тильманс.

— Весьма возможно. Ибо царь Пётр очень быстро принимает решения.

— Гм, тогда наши деньги пропали, — добавил Фоскул.

— Ну нет, — сказал почтенный Тильманс, — мы привезли с собой славное амстердамское искусство изготовлять книги. Дело не в деньгах, господа! Искусство везде уважается!

— Дело в холоде, — уныло заметил Сильбах. — Не угодно ли, господа, обратно в сани?

Хлопнул кнут, закричали возчики, и возок тронулся дальше вдоль Неглинной, через гудящие на родом узкие проезды и бесчисленные ворота.

— Снова антихристы едут,— бормотал какой-то прохожий священник, старательно крестясь на кремлёвские церкви.— Скоро православных-то на Москве не останется... Истинное царствие дьявольское!

С тех пор прошло три месяца.

Почтенному словолитцу Антону Тильмансу Москва понравилась. Мороз был не очень силен, жители были понятливы и добродушны, чиновники важны и благосклонны, девушки румяны и смешливы. И хотя москвичи иной раз обнаруживали то упрямство, не меньше голландского, то сильную склонность к крепким напиткам, но работали они не хуже, чем мастеровые в Амстердаме.

Почтенному наборщику Гендрику Сильбаху, наоборот, Москва не понравилась. В Москве ночи были слишком длинные, улицы слишком кривы, заборов и собак несчётное количество, зато каналов не было вовсе и пушка в обед не палила.

Почтенный печатник Ян Фоскул своего мнения о Москве не выражал и интересовался более всего заработками.

Немецкая слобода, в которой жили голландские типографщики, стояла немного в стороне от города. От неё до Печатного двора расстояние было большое. Типографщики каждый день ездили в город в узком возке, ныряя между сугробами.

Собаки с лаем бежали за возком. Девушки хихикали. Старухи крестились. Уличные торговцы переглядывались и, кривя рты, говорили:

— Царёвы немцы едут.

Более всех недоволен был Копиевич.

— Царь Пётр нас не для того выписал, чтоб мы процветали,— говорил он,— не стану вас обманывать, господа: царь хотел бы видеть на нашем месте русских мастеров.

— Разве у них есть мастера? — спросил Ян Фоскул.

— Есть,— отвечал Копиевич,— хотя и немного. Вот, например, Ефремов.

— Господин Ефремов искусный мастер,— благодушно заметил Тильманс.

— Искусный. Но упрямый и одержимый мыслью обучать своему упрямству молодых людей,— пренебрежительно отвечал Копиевич.

— Мастер обязан обучать подмастерьев,— сказал Тильманс.— Это и наша обязанность.

— Мы здесь не затем, чтобы быть учителями,— вмешался Сильбах,— а затем, чтобы изготовлять образцовые книги.

— Почтенный мастер Сильбах совершенно прав,— отозвался Копиевич.

Мастер Тильманс, однако, остался при своём мнении. Он даже завёл знакомство со стариком Ефремовым и за долгие зимние месяцы научился кое-как говорить по-русски. После масленицы он навестил Ефремова на дому, хотя, по тогдашним правилам, пускать еретика в свой дом считалось грехом. После такого посещения полагалось окурить горницы ладаном и отслужить молебен об изгнании духа злого. Но словолитец всего этого не сделал. Он показал Тильмансу свой верстак, и инструменты, и книги...

Тихо жил Михайла Ефремов. В углу комнаты горели лампадки перед киотом и висели вышитые полотенца. У стены тикали большущие часы с серебряными стрелками.

В красном углу стояло кресло со сложной резьбой по дереву. С другой стороны, над верстаком, расположились на полках книги в кожаных, а иные и в деревянных переплётах, с медными оковками.

Тильманс осмотрел эти книги. Это были превосходные московские издания с картинками, на толстой желтоватой бумаге, с густым, жирным шрифтом.

— Отлично изготовлено! — сказал Тильманс. — Но мы, господин мастер, более уважаем просторный, тонкий и ясный шрифт, называемый «антиква». Мы стараемся и новые русские буквы, по приказанию царя Питера, делать тонкими. О, вот так! Именно так!

Он указал на пунсон, который лежал на верстаке. Это была буква «О», изящная и округлая, похожая на голубиное яйцо.

— Я уже давно об этом думал, — отвечал Ефремов.

Ефремов жил один. Жена его и дети умерли. За хозяйством присматривала подслеповатая и равнодушная свояченица. В зале всегда было чисто, тихо и жарко. Снегирь в клетке чистил пёрышки, но почти никогда не пел.

Тильманс обратил внимание на светловолосого подростка, который неподвижно сидел на лавке с большой книгой на коленях и пристально смотрел в низкое окошко на мартовский подтаявший снег.

— Ученик? — спросил он.

Ефремов кивнул головой.

— Прилежный? — спросил Тильманс.

Ефремов вздохнул.

— Молчит. Бог знает, что думает, — сказал

он.— Не из московских, приبلудный. Трудно ему в Москве.

— О да, в Москве трудно,— проговорил Тильманс,— но надо... Как это?.. Привыкнуть! Как звать?

Мальчик встал, поклонился и сказал:

— Алесь.

— Надо стараться, Алекс,— выговорил Тильманс,— и тогда будешь важный мастер.

Мальчик не отвечал.

Голландец собрался домой в сумерки. Он сел в возок, дёрнул вожжами и выехал за ворота.

Вечерня давно кончилась. Дорога петляла между высокими частоколами. Вороньё носилось над крышами, выбирая места на ночь. Снег был утоптан частыми следами прохожих и лошадиных копыт.

Тильманс обратил внимание на то, что прохожие как-то странно на него смотрят. Две бабы с коромыслами остановились и зафыркали. Потом загоготал встречный мастеровой. Проезжий всадник на всём скаку крикнул что-то и указал плёткой на возок.

Тильманс остановил лошадь и оглянулся. Позади возка, уцепившись за заднюю стенку, стоял ногами на полозьях тот подросток, которого мастер видел у Ефремова.

— Ай, как нехорошо, Алекс,— строго сказал Тильманс,— так не можно шутить! Зачем едешь на моём возке? Кто позволял?

Мальчик опустил голову и проговорил после долгого молчания:

— Не хочу в монахи.

— В монахи? — удивлённо переспросил Тильманс.— Кто тебе сказал — в монахи?

— Дедушка Ефремов сказал: «Со двора не выходи, а то схватят, пойдёшь к монахам...»

— А сам что хочешь?

— Хочу из Москвы совсем убежать. К господину поручику Павлу Ефремову. С ним на коне скакать.

Тильманс ничего не понял.

— Поручику? — переспросил он. — Ефремову? Убежать? На коне? Это нехорошо! Совсем нехорошо — убежать. Садись, пожалуй, ко мне. Поедем!

— Куда поедем?

— Гм... Как это сказать по-русски?.. Ага, в назад!

Тильманс решительно повернул лошадь в обратном направлении. Мальчик смотрел на него прямо и печально.

На дворе Ефремова было оживление. Соседи с фонарями переговаривались и показывали руками в разные стороны. Свояченица в тулупе охала и всплёскивала руками. Появление Тильманса с мальчиком возбудило ещё больший шум. «Украл мальчишку немец!» — вопила свояченица. Дюжие руки ухватили Алеся и потащили в дом. Его втолкнули в горницу и силой поставили на колени.

Ефремов сидел в кресле. Он, казалось, не сердился, но молчал долго.

— Встань! — произнёс он наконец.

Алесь поднялся.

— Бунтуешь? — сказал Ефремов.

Алесь молчал.

— Батюшка, его немец утащил, люди видели! — закричала свояченица.

— Молчи! — сказал Ефремов. — Ты что же, Алексей, боишься ответить?

— Не боюсь, — отвечал Алесь, — а только меня не утащили, а я сам убежал.

— Вижу, — сказал Ефремов, — Москва тебе надоела. На волю потянуло.

Он встал и прошёлся по комнате.

— Я думал, помру — ты на моё место встанешь. Нет! Не удержишь сокола в горнице. Что тебе верстак да игла? Тебе по полям на коне скакать. А книги... — Ефремов подошёл к книжной полке и погладил ладонью корешки книг. — Поликарпов их себе возьмёт. Кто вспомнит Михайлу Ефремова? Никто!

— Зачем — не вспомнит? — возмутился Тиль-

манс.— Должно вспомнить: господин мастер Ефремов, весьма хороший мастер, новую азбуку отливал...

— Спасибо на добром слове, мастер Тильманс. Но нет продолжателя делу моему.

Ефремов грузно уселся в кресло и устремил взгляд в окно.

— Я тебе одно велю, Алексей: не уходи сейчас. Дождись лета, а там ступай куда знаешь.

— Вот так разумно, господин Ефремов,— радостно сказал Тильманс.— Летом добрый ученик должен в путь. «Встань утром пораньше и оставь дома заботу...»

Последние слова Тильманс произнёс по-голландски и, чтоб Ефремов его понял, изобразил, как человек шагает по дороге, держа мешок за плечами, и поёт весёлую песню. Ефремов улыбнулся. Дородный Тильманс захохотал, затряс животом, взмахнул шляпой и удалился к своему возку.

Скатываясь по сугробам и вновь взлетая на снежные холмы, он рассуждал вслух:

— Ах, молодые люди! Всюду одно и то же! Надеешься на них, учишь искусству, а они шагнут за порог и летят, как птицы, бог знает куда! Говоря по правде, кто наши тяжкие труды вспомнит? Эге, господин мастер, никто! Один трудись всю жизнь, один и помрешь!

ЕФРЕМОВ УХОДИТ НАВСЕГДА

Шведский король Карл рвался к Москве. Война широкой полосой огня катилась по Белоруссии. В июле 1708 года шведы были отбиты под Могилёвом.

В Москве всё так же звонили колокола и стучали барабаны. На Печатном дворе всё так же скрипели и ухали станочные прессы. В словолитне в густом чаду всё так же видна была высокая сутулая фигура Михайлы Ефремова. Он доделывал медные матрицы и пунсоны новой азбуки. Его помощники Александров и Петров работали до упаду и часто бегали на площадь в торговые ряды квас пить.

— Зря бегаєте, лодыри, время тратите,— ворчал Ефремов.— Читали ли «Ведомости»? Швед ползёт к белокаменной Москве.

— Не доползёт, Михайла Ефремыч,— смеялись помощники.

— Каждому на своём месте должно быть,— отвечал Ефремов.

Подмастерья очень удивились, когда однажды мастер-словолитец отошёл от своего места, постоял, стёр пот со лба и проговорил мутным голосом:

— Пойду, что ли, квасу выпью...

Александров подмигнул Петрову: «Ишь ведь, и старика пробрало!»

Ефремов вышел на улицу. День был жаркий. Площадь шумела. Галки с криком летели со Спасской башни на Троицкую.

Ефремов торопливо выпил квасу, перевернул жбан, поставил на лавку и положил сверху два медяка. Продавец испуганно на него посмотрел.

— Уходили тебя, отче, на вашем Печатном дворе,— сказал он,— лица на тебе нет... Всё святые книги печатаете?

— Не святые,— отвечал Ефремов,— а учебные.

— Ныне святости мало,— усмехнулся продавец,— а и то сказать, накурили ваши попы на всю Русь ладаном...

— Наши не попы,— сказал Ефремов.

— А кто — немцы? — лукаво спросил продавец.

Ефремов хотел ответить, но вдруг показалось ему, что вся Москва закачалась. Спасская башня накренилась, а бревенчатый настил на Красной площади быстро-быстро побежал из-под ног. Мелькнуло на секунду голубое небо с белыми облаками, и сразу настали сумерки.

— Беда, братцы,— кричал продавец,— старик упал! Еле дышит! Помогите отнести, ради бога!

— Пьян, что ли?

— Какое пьян! Наглotalся немецкого дыму на Печатном дворе!

Когда Ефремов очнулся, он увидел над собой острую бородку и ястребиный нос Поликарпова.

— Ежели есть какие тайны, говори,— быстро прошептал он,— а то сейчас священник придёт!

— Нет тайн, сударь,— сказал Ефремов.— Прикажете мальчишку моего привести.

После причастия он потерял сознание. Когда он очнулся, у изголовья его стоял бледный Алесь. За ним, словно в тумане, маячило белое толстое лицо Киприанова.

— Приблизься, Алексей,— еле слышно проговорил Ефремов— послушай, я тебя неволить не хочу... но уметь надо... вот моя тайна...

Алесь наклонился к нему:

— Чего, дедушка Ефремов? Что мне сделать?

— Продолжи дело,— сказал Ефремов. Он глубоко вдохнул в себя воздух.— Василий!

Киприанов пододвинулся.

— Не дай ему пропасть...

— Михайла Ефремыч,— дрогнувшим голосом

сказал Киприанов,— не соизволишь ли, батюшка? Отвезём тебя в дом твой...

— Нужды нет,— отвечал словолитец,— где трудился, там и помру.

Он оглядел всех внимательно. Алесь стоял с опущенной головой и сложенными на груди ладонями. Киприанов утирал глаза платком. За ним, согнувшись и перебирая ключи на поясе, стоял Поликарпов. Священник бормотал и махал кадилом.

— Конеч, простите,— сказал Ефремов и закрыл глаза.

Алесь встал на колени и поцеловал длинные крепкие пальцы мастера. Поликарпов положил руки покойника на грудь, перекрестился и осторожно вставил ему в пальцы зажжённую свечу. Киприанов плакал, закрыв лицо платком.

* * *

Каменный дом Киприанова вовсе не был похож на деревянный дом Ефремова. У Киприанова было шумно. Алесю казалось, что здесь собрались все замоскворецкие ремесленники. С утра люди стучались у ворот, шли по заросшему густой травой дворику, сидели в мастерской, тыкали пальцами в станки и верстаки и обсуждали новости. Сам хозяин, в кожаном фартуке поверх камзола, расхаживал по своему заведению и сочинял проекты.

— Лавку! — шумел он.— Лавку книжную в торговом ряду! Дабы добрые люди могли, с площади идучи, и книгу разумную унести. При лавке библиотека публичная, всенародная,— кому охота есть к знанию, а денег недостаток. В лавке же — чай

и кофь варёный с сахаром и виноградные вина разные... За сахар денег не возьму, дабы поощрить к наукам!

— Уж ты, Василий Анофриевич, надумаешь! — смеялись ремесленники. — Неужто сахар без денег отдашь?

— А что? Ты книгу купи вместе с сахаром!

Дохода, однако, у Киприанова было немного. За чертежи и карты платили мало, а иногда и вовсе не платили. Некоторые сочинения Киприанов издавал за свой счёт. Но этот маленький живой человечек никогда не огорчался. Издав «Изображение глобуса земного», он тут же энергично брался за «Изображение глобуса небесного».

— Всего земного круга таблицы сделаем! — кричал он. — Картину океана для мореходов тиснем! Описание отечества нашего от Невы-реки и далее на восток, до самой дальней стороны Япон! Всё сделаем! А ты, юноша, трудись и сам будешь достоин ландкарты и таблицы сочинять! И подписывать!

Трудиться Алесю приходилось много. Вставал он в пять часов утра. При светлом месяце колол дрова, топил печи, прибирал дом и хлев. Потом отправлялся в чертёжную, где целый день подавал художникам то перья и тушь, то гравировальные иглы и бутылки с кислотой, то грифельные доски и циркули.

В мастерской «сочинялась» мечта Василия Киприанова — первый российский стенной календарь с таблицами, стихами и картинками. Сочинял его не только сам Киприанов, но и мастера-гравёры Ростовцев, Зубов и голландец Пикар. Все они работали не покладая рук, и все кругом обязаны были работать.

— Зачем, юноша, в окошко смотришь? — кричал Киприанов. — Аль делать нечего?

— Я всё принёс, — оправдывался Алесь.

— А нечего делать — ступай двор подметать! Мне darmоеды не надобны!

Ел Алесь дважды в день просяную кашу и чёрный хлеб с луком. Работы у Киприанова было много. Молиться богу Киприанов не заставлял, но за ворота никогда не выпускал, даже по воскресеньям.

— Что тебе за воротами, юноша, делать? — говорил он. — Спознаешься с гулящими мужиками, научишься хмельное пить. Мне пьяницы не надобны. Ступай бутылки мыть.

Ночью Алесь просыпался и подолгу глядел на двор, поросший травой, и на ворота, возле которых мирно спал сторож с колотушкой в руках.

После долгой и холодной зимы лучи солнца стали всё глубже проникать на чердак, где спал Алесь. Мальчик забеспокоился. Весной ему было тяжело. В открытое окошко врывался вольный ветер. Птицы гомонили по всему Замоскворечью. Москва-река раздувалась и несла через затопленные дворы большие серые льдины.

Однажды к Киприанову явился гость, при виде которого у Алеся помутилось в глазах.

Это был Поликарпов. Алесь видел со своего чердака, как он двигался по двору, важно постукивая посохом. Киприанов встретил его на крыльце, снял треугольную шляпу и поклонился самым любезным, новомодным способом.

С бьющимся сердцем спустился Алесь с чердака и притаился на лестнице. Дверь в горницу Киприанова была полуоткрыта. Оттуда слышался настойчивый, резкий голос Поликарпова:

— Ты всё воду мутишь! Ефремова хотел к себе

прибрать, да бог его прибрал! Теперь от меня голландцев хочешь сманить! Я на тебя боярину Мусину-Пушкину пожелаю!

— Дозвольте на сие ответить вам,— солидно отозвался Киприанов,— что я не Мусина-Пушкина слуга, а господина генерала Брюса...

— Артиллерия!—гневно возопил Поликарпов.

— Мы, однако, не пушки, а чертежи делаем,— объяснил Киприанов.

— Я до царского величества дойду! — кричал Поликарпов.

— Ваша воля...

— И мальчишку приبلудного тебе не оставлю! Где ты его укрываешь? Ему было определено место в Донском монастыре!

— Мальчишка сей мало мне пригоден,— отвечал Киприанов,— бездельный юноша, всё в окошко смотрит. Ежели только его вам надобно...

— Ты знаешь, чего мне надобно!

— Прощения прошу,— сердито сказал Киприанов,— мальчишку хоть завтра берите, а с повинной я к вам на Печатный двор не пойду. У меня своя типография, а голландцев — как его величество рассудит...

Но Поликарпов неожиданно совладел с собой и заговорил потише. Спор шёл теперь о гравёрах Пикаре и Зубове. И тут Киприанов снова помянул генерала Брюса.

Алесь полез обратно на чердак в полном смятении. Ночью он почти не спал, а на следующий день глядел волком.

Как нарочно, Киприанов после ухода Поликарпова стал поглядывать на Алесь уग्रюмо и всё покрикивал: «Что стоишь без дела, юноша? Вот завтра доберусь до тебя!»

Той же ночью Алесь встал, оделся, вытащил из-под лавки мешок с хлебными корками и вылез в окно.

Спуститься по стене каменного киприановского дома было не трудно. Повсюду снаружи были уложены затейливые фигурки и узоры из кирпича, на которые легко было поставить ногу. Собаки знали Алесь, и ни одна не тявкнула. Сторож блаженно спал, и от него несло вином на весь двор. Как перелезть через высокий забор, Алесь обдумал заранее.

Он перебросил на улицу свой мешок, подпрыгнул и ухватился за верхние колья. Затем подтянулся на руках, перебросился через забор и прыгнул, упираясь руками в доски. Он попал в густую траву и не ушибся. Потом, подхватив мешок на спину, бросился бежать.

ВСЁ ДАЛЬШЕ К ЮГУ

В том году по Калужской дороге шло и ехало много народа. От Москвы тянулись возки, телеги, фуры с казённой кладью, окружённые караулом с мушкетами. Шагали воинские части с песнями.

Подходя к какому-нибудь городку, усатые солдаты подтягивались. Начинал бить барабан, и часть вступала в город торжественным маршем.

За солдатами шёл обоз. За обозом выступали нестройной толпой «работные люди». Это были деревенские. Они несли лопаты, кирки, топоры. Их вели на войну — рыть канавы, строить мосты, вязать камыш, тесать камень. Никто не знал, где война, но говорили, что она далеко, не то на Белой, не то на Малой Руси, и ежели от вражеской пули уцелеешь, то как ещё домой доберёшься? В деревне, если человек ушёл на войну, его домой не ждали, а пахали и сеяли за него жена и девки. И в каждой деревне вой и плач стоял по ушедшим на царскую работу кормильцам.

Алесь не знал дороги и пристал к такой колонне. Вы спросите, как пристал? Да просто шёл за мужиками по дороге, глотая пыль, пока не кончились хлебные корки. Он шёл вторые сутки, ничего не евши, и ослабел до того, что где-то возле Малоярославца свалился.

Мужики подошли к нему, подняли, дали размоченного в воде хлеба. Потом явился краснолицый унтер-офицер, потрогал его тростью и важно спросил, кто и откуда.

Алесь объяснил, что он сирота, но про бегство от Киприанова ничего не сказал.

— Гм, московский,— задумчиво проговорил унтер.— Да кто твой хозяин?

— Я грамоте учён,—уклончиво отвечал Алесь.

— А ну, скажи? — полюбопытствовал унтер.

Алесь забубнил своё привычное:

— «Аз», «буки», «веди», «глаголь», «добро»...

— Смотри, из дьячковых детей, что ли? — сказал унтер.— А идёшь куда?

— Брата Ярмолу искать.

Унтер долго не мог понять, кто такой Ярмола и где его искать, а поняв, заулыбался.

— Паренёк ты учёный,— сказал он,— пригодишься в пути... Шагай с нами хоть до войны. Будешь фортеции сооружать. А Ярмола твой то ли жив, то ли нет, и где его во великой России сыщешь?

Алесь не знал, что такое «фортеция» и только впоследствии узнал, что это значит «крепость». Выбора у него не было. Просить подавания он не умел и стыдился. А мужики с лопатами хоть и один хлеб да кашу ели, зато каждый день.

Так и шёл московский ученик Алесь от Малоярославца к Калуге, от Калуги к Брянску.

Не доходя Брянска, колонна заночевала в поле. Зажглись костры. Старосты роздали крупу, и артельщики стали варить кашу.

У костров пошли неторопливые разговоры—кто про посев, кто про скотину. Люди эти недавно ушли из деревни и боялись думать о том, что, может быть, им больше своей деревни не видать. По всей России тянулись за солдатами такие колонны. Рассказывали про своих земляков — Аким на канале остался; Пафнутию на рубке засеки ногу сломали; Матвей помер от злого кашля, а Никиту погнали в городок Санкт-Питербурх на болоте канавы рыть, и с тех пор о нём ни слуху ни духу...

— Эй, сирота московский,— крикнул кто-то Алесю,— Расскажи про Москву!

— Я рассказывать не умею,—отозвался Алесь.

— Ему Москва не по плечу,—сказал другой голос,—ну, хоть про книги расскажи!

Алесь рассказал про Печатный двор. Слушали его внимательно, без шуток, как взрослого.

— А ну, теперь скажи-ка буквы...

— «Како», «люди», «мыслете», «наш», «он», «покой», «рцы», «слово», «твердо»...

— Повезло тебе, парень,—произнёс тот же голос,—кто грамоту знает, тот силен. А то пас бы скотину, неучем бы помер.

— Зачем крестьянскому сыну науки? — возразил кто-то от другого костра.— Это дело господское.

— Не скажи, брат! Московские, они всякое дело сообразят. И не господа, а учёный народ.

Люди улеглись спать. Алесь долго сидел у костра, глядя на тлеющие угли.

Вдруг из темноты вырос перед Алесем краснолицый унтер с тростью. Алесь встал.

— Послушай, сирота московский,—сказал унтер,—сдаётся мне, что ты того... беглый!

— Откуда же я беглый? — спросил Алесь.

— С государева Печатного двора, вот откудова!

— Господин унтер-офицер,—жалостливо промолвил Алесь,—ей-же богу, я на Печатном дворе не служил!

— А что ты всё про книжное умение людям рассказываешь?

— Дедушка Ефремов там служил.

— Не видал я твоего дедушки! А ежели ты беглый, то мне через тебя начальство штраф сделает.

— Это что же такое «штраф»? — любопытствовал Алесь.

— Наказание — вот что такое!

Унтер воинственно распушил усы.

— В ночь гнать тебя не желаю, а завтра поутру ступай, братец, восвояси. Какой ты человек и откудова взялся, неведомо, а беглых покрывать у нас не положено. И не проси! Знаешь, что есть служба?

Унтер исчез во мраке. Алесь снова уселся у костра.

Значит, завтра опять брести одиночкой по дорогам; авось добрые люди прокормят... А может статься, что и нет — у самих есть нечего...

Два года прошло с тех пор, как сгорела родная деревня. За это время Алесь многое повидал и вырос. И сейчас ему больше всего хотелось делать что-то большое и настоящее. Он чувствовал себя взрослым, сильным и, кажется, мог бы руками дерево из земли вывернуть... Он заснул у костра, и снились ему большая дорога, и ветер, и облака, и конский топот.

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

Алесь проснулся. Нет, это не сон. И впрямь кто-то скачет по дороге.

— Господин поручик! — закричал Алесь и бросился вниз по склону холма.

Поручик Павел Ефремов скакал с сумкой через плечо и с плащом, развевающимся за плечами, как облако. За ним следовал его верный Тимоха. Оба они очень удивились, увидев в вечерней мгле парнишку в холщовой рубаше до колен и в неуклюжих сапогах с загнутыми вверх носками.

— Алесь! — закричал поручик и осадил коня.

Алесь бросился к поручику и ухватился руками за стремя.

— Господин поручик,— сказал он одним дыханием,— возьмите меня, я убежал из Москвы! Хочу с вами!

— Ого,— сказал Тимоха,— судьба нам, ваше благородие, этого беглого парня на дорогах спасать.

— Помолчи,— сказал поручик Ефремов,— это ученик покойного дяди моего. Слушай, Алесь: еду я в царскую ставку, в военный поход под Полтаву. Что тебе со мной делать?

— Хочу в военный поход,— сказал Алесь.

Поручик оглянулся. Лицо Тимохи не было видно, только белые зубы блестели в полутьме. Тимоха смеялся.

— Что ты зубы скалишь? — рассердился поручик.— Бросить его в поле — так скажешь? Али взять опять на седло?

— Взять, ваше благородие,— весело откликнулся Тимоха,— он наш!

— Полезай! — сказал поручик.

Топ-топ-топ... Пыль поднялась облаком и медленно осела на дорогу. Алесь уехал с поручиком Ефремовым на войну.

ПРИ ЗВЁЗДАХ И ПРИ ЛУНЕ

Позади остался Льгов, позади Сумы. Лесу стало меньше. Потянулись ветряные мельницы, вишнёвые сады, белые и голубые мазанки. Говор кругом слышался певучий, песни стали слаще, девичьи наряды ярче. Это была Украина — край богатый, но взбудораженный войной.

На перевозе через Псёл народу скопилось видимо-невидимо. Тут были и хуторяне в широких шароварах, и казаки в синих куртках, и слепые музы-

канты со странной скрипкой, которую заставляют играть поворотом колеса.

Поручик Ефремов стоял на пароме молча, опираясь на шпагу. За его спиной Тимоха держал под уздцы лошадей. Паром был битком набит людьми, возами и волами. Паромщики кричали, отталкивались шестами и подтягивали паром к канату, который был натянут между обоих берегов реки.

Алесь прислушивался к гудению голосов. Говорили о военных делах. Шведы осаждали Полтаву. Гетман Мазепа изменил России и перебросился к шведскому королю. Имя Мазепы произносилось вполголоса.

— И много у него людей? — спрашивал какой-то седоусый хуторянин в большой соломенной шляпе.

— Горсть, — презрительно отвечал его собеседник, раскуривая трубку, — кое-кто из шляхты да тысячи две казаков, и те без охоты пошли...

— А к Диканьке проехать можно?

— Отчего же нет? Езжай, куме, через Лебедин, самая верная дорога...

— Не во гнев будь сказано панам, — раздался вдруг третий голос, — а я поехал бы через Ахтырку.

— Зачем?

— Затем, что в Лебедине шведы.

Наступило молчание.

— Как — в Лебедине шведы? — сказал человек с трубкой. — Что ты брешешь?

— Далибуг¹, не вру, — произнёс тот же голос, — я оттуда еле ноги унёс. Мне ухо порубали.

— Кажи! А и в самом деле, куме, ему ухо повредила вражья сила.

¹ Д а л и б у г (польск.) — ей-богу.

— Может, то баба кочергой? — спросил кто-то сзади.

Раздался хохот.

— Что смеётесь, добрые люди,—обиженно проговорил раненный в ухо,—сами ещё попробуете свейской сабли...

Алесю этот голос показался знакомым. Он глянул из-за воза — и отпрянул. Перед ним стоял человек с длинным жёлтым лицом и длинным носом. Он сразу заметил мальчика.

— Гм,—пробурчал он и подался к краю парма.

Алесь подбежал к поручику сзади.

— Господин поручик,—сказал он шёпотом,—гляньте направо, там старый знакомый.

Поручик посмотрел направо, но там уже никого не было.

— Какой старый знакомый? — спросил он.

— Длинный нос. Который сумку вашу хотел стащить в корчме на Смоленском шляху...

— Что?—сказал поручик и вытащил пистолет.

Но было уже поздно. Раздался всплеск. Длинноносый поплыл к близкому берегу, отчаянно загребая то одной, то другой рукой.

Поручик выстрелил, но промахнулся. Пуля взбила фонтанчик воды.

— Лови его теперь,—спокойно сказал человек с трубкой.

— Уплыл,—невозмутимо подтвердил хуторянин.— А зачем пан офицер палил?

— Я знаю зачем,—мрачно откликнулся поручик.

— Беда,—сказал хуторянин, поглаживая усы,—война... Так поеду, куме, мабуть, через Ахтырку?

— Езжай, когда в Лебедине шведы,— отвечал кум.

— Кто сказал, что в Лебедине шведы? — спросил поручик.

— Кажут,— неопределённо отозвался человек с трубкой.

Поручик переглянулся с Тимохой. В этот момент паром причалил, и народ повалил на берег скопом. К удивлению Алеся, поручик не стал преследовать длинноносого.

— Слышал? В Лебедин не поедешь,— сказал он озабоченно,— дороги нет.

— Слышал, ваше благородие,— отвечал Тимоха.— Я уже давно слышал, да думал — враки. Так поедем налево, за волами?

— Не за волами, а впереди волов,— выразительно сказал поручик, помахивая плетью.

Всадники скоро оставили за собой пыльную дорогу, по которой лениво брели волы.

Деревень встречалось немного. Потянулись холмы и рощицы. Людей становилось всё меньше. Ветряные мельницы не махали крыльями. Уже на закате всадники въехали в опустевшую деревню, где все хаты были на запоре и даже собаки не лаяли.

Поручик остановил коня и подозрительно осмотрелся.

— Что это, Тимоха,— сказал он,— неужто и в Ахтырке шведы?

— Были бы в Ахтырке шведы,— отвечал Тимоха,— мы бы и наших близко встретили. А то ни живой души, ровно вымерли...

— До Тростянца вёрст пятнадцать,— задумчиво промолвил поручик,— там живые души найдутся... А в пустом селе ночевать не след. Поехали!

Поручик с Тимохой пустили коней крупной

рысью. Но как ни спешили всадники, в густом лесу им пришлось ехать медленнее. Копыта лошадей спотыкались о корни деревьев. Безлюдье становилось непонятным и угрожающим. Казалось, что по этой дороге давно уже никто не ездил. Становилось всё темнее. Поручик вдруг остановил коня.

— Постой,— сказал он,— там кто-то лежит.

Тимоха взгляделся в полумрак.

— Человек, ваше благородие,— сказал он,— на нём рубаха белая.

Оба замолчали. И как бы в подтверждение Тимохиных слов вдали раздался стон.

— Оставайся здесь с конём,— сказал поручик Алесю, слезая с лошади и вынимая пистолет,— я пойду погляжу.

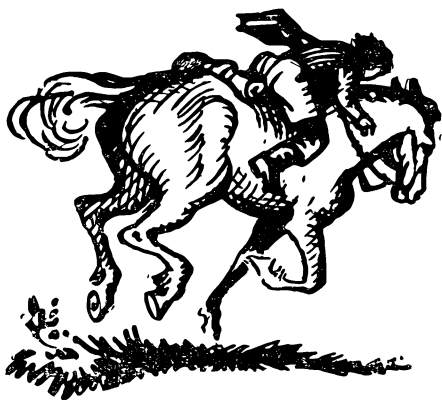
— Господин поручик,— отозвался мальчик напряжённым голосом,— соизвольте сумку оставить... кругом лес...

— Ишь ты, лесной человек,— сказал Ефремов,— а ведь сумка запечатанная, она должна быть при мне. А я при пистолете и шпаге!

— Соизвольте оставить,— повторил Алесь,— я на коне, а вы пеший. Я подожду, слезать не буду.

Поручик думал минуту и наконец снял с себя сумку и надел на Алесь.

Две фигуры скрылись во мраке. Мальчик сидел в седле, не выпуская поводьев из рук. Послышались голоса.

— Ваше благородие,— говорил Тимоха,— его же стволом придавило, он дышит...

— Навались посильнее,— приказывал поручик.

И вдруг в лесу что-то полыхнуло, и закричало сразу несколько голосов. Раздался выстрел, за ним другой, и на дорогу повалили какие-то тени в треугольных шляпах. Кругом всё загудело. Поручик отчаянно рубил шпагой, отступая к лошадям. Тимоха отмахивался своим тесаком, но его повалили. Мальчик услышал отчаянный голос Ефремова:

— Алесь! Скачи обратно!

Алесь резко повернул лошадь поручика и ударил её по бокам ногами. Через несколько минут его и след простыл. Поручик защищался спиной к дереву, но нападающих было не меньше двух десятков. На него накинули петлю, камнем сломали шпагу и наконец сзади ударили по голове. Падая, поручик успел пробормотать только:

— Эх, надо было ехать через Лебедин!

* * *

Алесь дал полную волю коню. Жеребец поручика скакал галопом, вытянув голову, как будто чувствовал за собой погоню. Но погони не было.

Мальчик постепенно пришёл в себя и придержал коня. Жеребец пошёл сначала рысью, потом шагом. Кругом было пусто. Луна светила на поля, перелески и холмы. Небо было усеяно яркими звёздами. Дорога белела во мгле.

В тишине только луговой коростель поскрипывал как несмазанное колесо.

«Куда же я заехал?» — подумал Алесь.

Он осмотрелся. На краю холма темнели будто бы горбы. Но когда мальчик подъехал поближе, он увидел, что это были соломенные крыши мазанок.

«Пустая деревня!» — догадался Алесь.

Да, это была та самая деревня, в которой поручик Ефремов остерёгся ночевать. Но теперь Алесю ничего не оставалось делать, как дожидаться утра либо в самой деревне, либо возле неё.

Алесь остановил коня и прислушался. Во тьме слышались какие-то неясные звуки. Что-то шуршало, останавливалось, снова шуршало...

«Может, забыли кошку или козу?»

Но Алесь отлично знал, что деревенские не уйдут из своего жилья, оставив в нём животных.

«Волки?»

У мальчика мурашки поползли по спине. Но что делать волку в пустом селе, где нет ему никакой поживы? Да и волчьи глаза блестят, как огоньки... И конь бы захрапел и попятился. Нет, это не волки.

Алесь миновал околицу. В садиках, свесив головки, спали высокие подсолнухи. Серебряным блеском светился вдали пруд. Длинная чёрная тень лошади и всадника бежала сбоку по дороге.

И вдруг из-под плетня бесшумно выскочили три фигуры в остроконечных бараньих шапках. Одна из них схватила лошадь под уздцы, две другие крепко облапили мальчика за ноги. Алесь увидел перед своим лицом ярко блестящий при луне наколеник пики.

— Слезай! — скомандовал густой голос.

Алесь слез, крепко прижимая к себе поручикову сумку.

— Что везёшь? Что за бес, то парубок!

— Так и есть, хлопец... Ты чей, хлопец?
— Господина поручика Павла Ефремова слуга,— сказал Алесь, пытаясь избавиться от железных объятий.

— Какого тебе «господина»? — передразнил его голос во тьме.— Ты московский, что ли?

— Я из Москвы,— сказал Алесь.

— Отдай суму! Не болтайся!

— Не отдам!

Нападавшие помолчали.

— Отведём его, брат, до атамана,— сказал один из них,— бо не наше дело ковытаться с хлопцами: мы дозорные.

Алесь получил сильный толчок в спину.

— Какой атаман?—спросил он.

— Увидишь!

Мальчика притащили в ближнюю хату. На пороге этой хаты сидел человек с длинным ружьём в руках.

— Кого похватали? — спросил он равнодушно.

От этого голоса у Алеся забилося сердце. Он остановился и получил новый толчок в спину.

— Вот тебе батько покажет, как шататься по ночам на воинском коне,— грозно сказал один из конвоиров.— Ярмола, открой дверь!

При слове «Ярмола» Алесь бросился вперед.

— Ярмола! — закричал он.— Ярмола, браток!!

Человек с ружьем отпрянул и чуть не уронил ружье.

— Алесь,— проговорил он прерывающимся голосом,— Алесь... Ты живой?

Алесь решительно отбросил руки своих конвоиров и бросился к брату. Ярмола был тот, да не тот. У него выросла густая борода, и волосы его, когда-то аккуратно остриженные скобкой, теперь висели вихрами. Лицо было кирпичного оттенка, и только голу-

бые глаза были всё те же — пронизательные и немного застенчивые.

— Как ты сюда попал?

Ярмола махнул рукой.

— Отбился от своих, браток... Наши мужики всю зиму в лесу жили. А по дорогам свейские конные... Всё, ироды, хлеб ищут... Мужиков порют да вешают. Всю округу ограбили. Пошли мы, кто помоложе, по лесам. Так с тех пор и стали бродячие люди. Раздобыли кто саблю, кто пику, а кто и пистоль. Дошли аж до Гомеля, оттуда на Черниговщину — повсюду война. А за Нежином пристали к атаману Ястребу. С тех пор воюем со свеями. Видишь мушкет? Я его у свейского солдата сдобыл. И с зарядами!

— Шли бы к нашим!

Ярмола покачал головой.

— Царские офицеры не очень нас жалуют. Мужикам положено по деревням сидеть. А то ещё лоб забреют в войско шагать... С Ястребом легче.

— Да кто он такой, Ястреб?

— А вот побачишь...

— Слухай, хлопец, — нетерпеливо сказал один из конвоиров, — ступай, куда тебе велят. Наш батко справедливый. Скажет миловать — пойдёшь с нами. А скажет сказнить — к плетню пикой приколем! Геть!

Алеся втолкнули в горницу.

Горница была чисто выметена, окна завешены полотенцами. По стенам стояли копья, косы, алебарды. На столе был фонарь, и при его скупом свете Алесь разглядел дюжего мужика в расшитой рубашке и барашковой папахе с длинным красным шлыком, красиво расправленным по плечу. Вся широкая грудь батки Ястреба была закрыта чёрной

бородой. Из-под густых бровей два чёрных глаза сверкали и сердито и насмешливо.

— Ярмола,— сказал он голосом низким и звучным, как металл,— кто этот хлопец, отвечай!

— Мой брат, батько...

— А не свейский лазутчик?

— Провалиться мне, батько...

— Подожди проваливаться,— спокойно сказал Ястреб.— Сколько ты его не видал?

— Два года...

— Что может быть с хлопцем за два года? Пристал, може, и к Мазепе?

— Батько, он на воинском коне,— заметил один из конвоиров.

— Где взял коня? Говори!

Алесь рассказал про всё: и как бежал из Москвы, и как встретил поручика Павла Ефремова, и как поручик попал в засаду. Ястреб слушал внимательно. Когда мальчик кончил, атаман разглядел не спеша свою пышную бороду и протянул огромную ладонь:

— Дай торбу!

— Что?

— Суму дай,— подсказал Ярмола.

— Не могу,— сказал Алесь,— она запечатанная.

— Говорю, дай торбу!

— Нельзя!

— Ярмола,— прогремел Ястреб,— не был бы он твой брат, я бы его на месте уложил!

— Алесь,— мрачно молвил Ярмола,— не спорь с батьком. Он знает, что кажет.

— Не могу я!

— Парубок,— сказал Ястреб,— мне твоя торба не нужна. Мне нужно поглядеть, что в ей. Коли

червонцы али какой боевой припас — заберу! А коли что другое — не трону. Клади на стол!

Алесь стоял неподвижно.

Ястреб неожиданно захохотал, да так, что задвигались ухваты, наложенные на перекладыны под потолком хаты.

— Ну и парубок! Я его поставлю в дозор, он и мышь не пропустит! Учитесь у него, гуляки, как надо на своём стоять!

Ярмола подошёл к брату и тронул сумку.

— Алесь,— сказал он,— дай мне. Я за тебя отвечаю.

— Так, так,— торжественно промолвил Ястреб,— ты за него ответишь.

Ярмола снял сумку с плеча брата и почтительно положил на стол перед Ястребом.

Атаман вынул из-за пазухи ножик в ножнах, отложил ножны и вскрыл сумку так ловко, что не повредил печати.

— Гм,— сказал он кисло, поглядывая на орлика, на печать,— знаем, казённая птица... Посмотрим. Что тут? Бумага... Что это?

Ястреб вынул два листка плотной бумаги, покрытой буквами.

— Парубок,— сказал он,— подойди к столу. Читать можешь?

— Могу.

— Читай!

Алесь пододвинулся к столу и, нахмурившись, стал читать:

— «Аз», «буки», «веди», «глаголь», «добро», «есть»...

— Это зачем? — озадаченно спросил Ястреб.

— Это новая российская азбука,— сказал Алесь,— а посылают её мастера с московского Пе-

чатного двора царю, чтоб он её поправил и подписал. Теми буквами будем печатать новые книги.

— Ось!—ещё более удивлённо сказал Ястреб.— Это буквы... Учили когда-то и меня. Да я не выучился. Дьячок сильно розгами драл. Читай дальше!

— «Живете», «зело», «иже», «како», «люди», «мыслете»...

— Так и есть,—громыкнул Ястреб,— но никогда не видал я, чтобы буквы посылали в военный поход.

— Доставьте в военный лагерь царю Петру,—сказал Алесь,— это будет вам заслуга.

Ястреб значительно на него посмотрел.

— Нам заслуги не нужны,—сказал он,— мы с царями и королями не ведаемся. Возьми торбу! Ярмола, дай ему поесть. Захочешь быть с нами, дадим пистоль.

— А ежели не захочу? — спросил Алесь.

Ястреб вдруг широко улыбнулся.

— А куда тебе деться? — сказал он.— До царя Петра тебя не допустят. Ступай с нами, будешь со свейским королём воевать. Уведите его, хлопцы, а то он со мной заспорит. А я споров не люблю...

Так Алесь ушёл с хлопцами атамана Ястреба.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ

Самым скучным для поручика Ефремова было сидеть без дела.

Пленникам отвели помещение в деревянном домишке, который помещался во дворе шляхетской усадьбы. В каменном доме рядом жил шведский

генерал. Усадьба была окружена караулом, а пленников сторожили два солдата в синих мундирах; они расхаживали возле двери с пиками, как заводные куклы. Сменялись они дважды в сутки.

Допрашивали пленных только один раз. Караульные доставили их в каменный дом. Их принял генерал. Это был высокий красивый пожилой мужчина в треугольной шляпе, посаженной на парик. пышные локоны спускались генералу на плечи. Широкие рукава мундира были расшиты золотом. В руке он держал трость с костяным набалдашником.

Поручика всё это мало заинтересовало. Он пристально глядел на человека в длинном кафтане с бархатным воротником, который стоял опустив голову за спинкой генеральского кресла.

Генерал спросил фамилию и имя офицера и какого полка. Человек с бархатным воротником перевёл вопрос генерала на русский язык. Ефремов назвал себя и сказал, что служит в гвардии. Генерал пожелал узнать, с каким делом ехал поручик и куда спешил.

— Ехал я из Москвы,— отвечал поручик,— а спешил в лагерь государев.

— Где находится лагерь царя Петра?

— Того не ведаю,— отвечал Ефремов,— а ежели б доехал до Полтавы, там бы расспросил.

— Полтава осаждена войсками его величества короля,— заметил генерал.

— До поры до времени,— отвечал Ефремов.

Генерал сделал нетерпеливое движение.

— Где сумка, которую офицер вёз с собой?

Ефремов вперился в переводчика. Теперь переводчик поднял лицо, и поручик ясно увидел того

самого длинноносого, который бросился вплавь с парома на реке Псёл.

— А, старый знакомый,— сказал Ефремов,— так ты и насчёт сумки донёс? И давно служишь ты неприятелю?

Длинноносый не отвечал. Он обратился к генералу и стал говорить что-то, низко кланяясь. Генерал слушал его прищурившись, потом махнул рукой и обратился сам к поручику.

— Господин рюска порюшик говорит, где сямка или терят свой шизнь,— промолвил он весело.

— Где сумка, не знаю,— сказал Ефремов.

— Офицер нельза «не знаю»,— отвечал генерал,— офицер всегда «знаю»! — Он стукнул тростью.— Два день дюмай, потом придюмай! Его говорит,— генерал указал тростью на длинноносого,— его говорит, господин рюска порюшик нушно голова рюби. Я не любит голова рюби. Меня надобно сямка. А нет сямка — будем стреляй. Вот так! Пуфф!

Генерал изобразил пальцем, как пуля попадёт поручику в голову, и засмеялся.

— Спасибо,— сказал Ефремов, глядя на переводчика,— наши ещё с тобой сосчитаются, длинный нос...

Переводчик снова быстро заговорил, кланяясь генералу, но тот махнул рукой. Солдаты брякнули пиками, и пленных увели в деревянный дом.

День шёл за днём. В шведском лагере протяжно играла труба, били барабаны и ржали лошади. Караульные расхаживали у двери. Неподалёку от дома, в котором находились пленные, что-то равномерно скрипело и ухало. Уханье и скрип начинались с утра и прекращались около полудня.

— Видать, у них здесь кузня,— заметил Тимоха.

— Кузня звенела бы,— отвечал поручик,— а тут вроде как бы свай заколачивают...

Это уханье раздражало Тимоху. Он не мог усидеть на месте. Однажды он попытался высунуться из окна, но уса́тый караульный солдат направил на него пику.

— Скажи, служивый, что там стучит? — спросил Тимоха.

Караульный что-то рявкнул и замахнулся пикой.

— Не понимает по-нашему,— сокрушённо сказал Тимоха,— а то я уговорил бы его.

— Не трогай его, он пуганный,— сказал поручик,— ишь ведь, загнали их наши на Украину! Они было думали к Москве пробраться, да не вышло. Теперь набросились на Полтаву, да тут им, кажись, и конец будет. Наши подходят с большим войском, а им и уйти-то некуда. Вот они мучаются... Стой! Что это?

На двор галопом въехал стройный молодой всадник в коротком плаще с золотыми шнурами и шляпе с белым пером.

При его появлении караульные солдаты вытянулись в струнку. За всадником следовали два кавалериста с лихо закрученными усами. Всадник кивнул одному из них. Тот слез с лошади и распахнул дверь домика.

— Порюшик Эфрэмоф! — с трудом выговорил он, глядя в бумагу.— Марш за мною!

— Куда? — спросил поручик.

— Молшайт! Приказ короля!

Тимоха горестно смотрел, как поручика вывели на двор. Подкатила двуколка, в которую Ефремова втолкнули силой. Нарядный всадник крупной рысью выехал за ворота. Двуколка поехала за ним,

а за двуколкой отправились и кавалеристы. Стук копыт затих в отдалении.

— Эх,— горестно промолвил Тимоха,— никак, повезли голову рубить...

* * *

Большая белая усадьба была окружена караулами со всех сторон. Но при появлении всадника с белым пером солдаты наклоняли ружья, а офицеры салютовали шпагами. Ефремова провезли по длинной аллее между двумя рядами высоких тополей и велели вылезть у крыльца. Всадник с пером соскочил с коня, бросил поводья солдату и сделал поручику знак следовать за собой.

Они прошли через несколько комнат, наполненных разодетыми офицерами. Приглушённый гул голосов стихал при их появлении. В четвёртой или пятой комнате было пусто. Двое караульных офицеров стояли у двери с палашами наголо.

Человек с белым пером указал поручику место, где ему стоять, снял шляпу и исчез за дверью. Через несколько минут дверь распахнулась. Провожатый Ефремова появился и сделал знак рукой — войти.

Ефремов твёрдыми шагами вошёл в следующую комнату и остановился. У стола сидел человек в чёрном платье, стриженный в скобку. На носу у него красовались большие очки, а в руке было гусиное перо. Другой человек стоял у окна спиной к поручику. Роста он был небольшого, с коротко стриженной большой головой. На нём был серый, скромный камзолчик и высокие сапоги. Руки его были сложены за спиной.

Молчание продолжалось несколько минут. Потом высоким и слабым голосом заговорил тот,

который стоял у окна. Говорил он по-шведски. Сидящий у стола повернулся к поручику и сказал по-русски:

— Поручик Ефремов! Его королевское величество изволит спрашивать, давно ли выехал из Москвы?

— Недавно,— отвечал поручик.

— Его величество изволит спрашивать, не уезжают ли жители Москвы из города?

— Такого не заметил,— отвечал поручик.

— Нет ли в Москве голода или смятения великого?

— Нет и в помине,— удивлённо отвечал поручик.

Человек, стоявший у окна, повернулся к Ефремову.

Поручик увидел бледное лицо с длинным энергичным подбородком, высокий узкий лоб и блуждающие глаза.

— С каким делом ехал поручик в лагерь царя Петра?

— Вёз запечатанную сумку.

— Что в ней было?

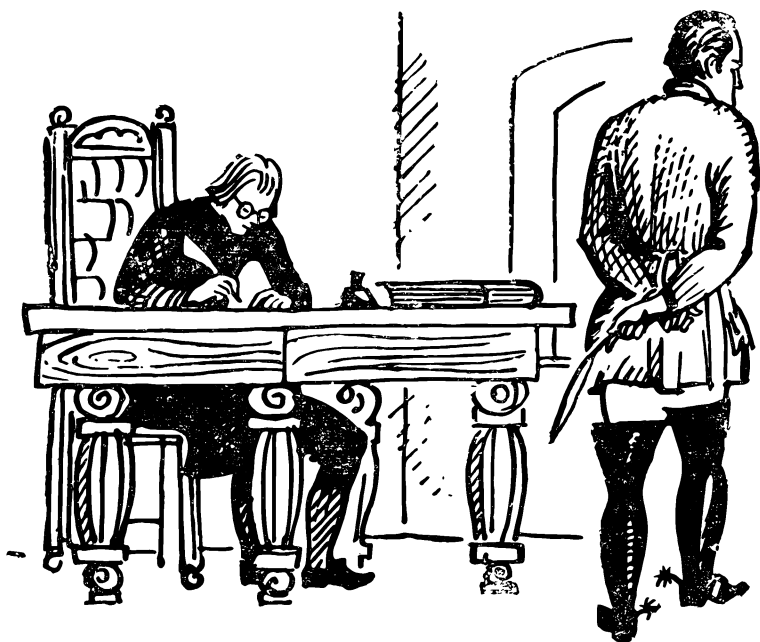
— Не знаю да и знать не могу.

Король кивнул головой писцу. Тот взял со стола большой лист печатной бумаги и сунул его в руки Ефремову.

— Его величество желает, чтоб господин поручик прочитал сию бумагу.

Ефремов осторожно взял пальцами бумагу, так, словно она была отравленная.

Бумага была напечатана по-русски, но старым шрифтом. В ней его величество король Карл XII объявлял всем жителям Украины и России, что царь Пётр напал на Швецию без всякой причины; что гетман Мазепа перешёл на сторону короля, а с ним «знатные лица»; что королевские войска всё время побеждали и побеждают русских; что жители России страдают от поборов и солдатчины; что король Карл, жалея подданных Петра, идёт к ним на помощь, чтобы искоренить дух зловерный и «вернуть старину» в Россию; что в скором времени королевские войска вступят в Москву, вследствие чего жители Украины и России должны оставаться

спокойными, не бояться за свои пожитки и ласково принимать войска Карла.

— Где напечатано сие? — спросил поручик.

Писец улыбнулся.

— Королевские власти отняли типографию, которую везли из города Амстердама в Россию. Там и буквы, и станки отменные.

— А мастеров где взяли?

— Некий мастер амстердамский при оной типографии ехал, и он же текст набирал. Но господин поручика не за тем сюда везли, чтоб на его вопросы отвечать. Его величество желает узнать, понятно ли сочинено?

— Понятливо-то понятно, да народ наш не поверит, — отвечал поручик, — и старину в Россию не вернуть! Что было, то прошло!

Писец помялся, прежде чем сообщить этот ответ Карлу. Король отошёл от окна и стал ходить по комнате, всё ещё держа руки за спиной. Хлыстик подрагивал в его пальцах. Наконец он остановился и проговорил что-то отрывисто, не глядя ни на писца, ни на поручика.

— Его величество соизволит спрашивать, желает ли господин поручик вступить в королевскую службу и состоять при особе его величества?

Ефремов не сразу ответил. Несколько минут он изумлённо рассматривал королевскую спину.

— Изменником отечеству своему не стану, — сказал он, — и воинской присяги не нарушу. Об этом спрашивать смешно и недостойно.

Карл снова быстро заходил по комнате. Казались, слова Ефремова его несколько не затронули.

— Его величество изволит напомнить господину поручику, что ежели он согласится, то будет начальником Московского Кремля. Ежели не согла-

сится, то проведёт всю жизнь свою пленником в Швеции.

— Видали мы некогда и в Кремле иноземное войско,— взорвался поручик,— однако дозволейте спросить: где оно? И ежели его величество собирается в Москву, то почему находится под Полтавой?

Писец нахмурился.

— Так королю сказать нельзя,— буркнул он.

— У меня других слов нету! — отвечал Ефремов.

Писец встал и обратился к Карлу с длинной речью. Карл этой речи не дослушал. Он неожиданно ударил себя хлыстиком по сапогу и снова замер у окна спиной к присутствующим. Прошло минут десять. Все молчали. Наконец Карл топнул ногой. Ефремова схватили под руки и потащили прочь. Не сказав ни слова, посадили его снова в двуколку, конный караул окружил его. Поехали очень быстро. Всадника в шляпе с белым пером теперь не было.

Поручик думал, что везут казнить, но его привезли обратно в домик, где сидел Тимоха.

— Слава богу! — воскликнул Тимоха, увидев поручика.— А уж я-то сию вспоминаю молитву за упокой души...

— Вспомнил? — спросил Ефремов.

— Не вспомнил, ваше благородие...

— И не надобно. Они пуганые. По всему видеть, что дело ихнее не выходит. Король у них бесноватый! А в сарае, что рядом с нами, у них типография. Печатают на краденых станах подмётные листы, чтоб наших людей портить. Оттого и уханье идёт. Да только толку от этого уханья не будет никакого! Ну, давай спать — утро вечера мудренее...

Через несколько минут поручик и его денщик храпели так, что караульные солдаты с удивлением подходили к окнам и долго вглядывались в неподвижные фигуры пленников.

ХЛОПЦЫ АТАМАНА ЯСТРЕБА

Ястреб не любил ходить по большим дорогам. Он со своими хлопцами скрывался в рощах между Псёлом и Ворсклой. Хлопцы Ястреба долго на месте не оставались и землянок не рыли, а, переночевав в глуши дубравы, передвигались сразу же на другое место. Во всех сёлах между Полтавой и Миргородом у них были свои люди.

Ястреб знал всё, что происходит и у шведов, и у русских. Он нападал на шведские разъезды, когда они растягивались цепочкой в лесу, уносил ружья, порох, пули, гнал из деревень мародёров, отбивал возы с продовольствием, сеном и дёгтем и хвастался тем, что дважды нападал на шведские посты и завёл себе «конницу» из уведённых оттуда лошадей.

Алесю эта жизнь понравилась. Нравились ему лесная прохладная глушь, и птичье пение, и тлеющие угли в ночном костре, и похлёбка, пахнувшая дымом, и ключевая вода, и ранние июньские зори, когда он караулил под раскидистым дубом, сжимая в руках пику и вглядываясь в пустую белую дорогу.

Ястреб был силён по части выдумок. Он послал одного из своих подчинённых, по кличке Пузо, переодетым в слепого бандуриста в шведский лагерь под самую Полтаву. Алесь ходил с ним поводом.

Шведские часовые их в лагерь не пустили. Но мазепинцы велели «диду» петь про старину, взгрузнули и подарили ему небольшой кусок сала. А когда он попросил ещё «для малых деток», рассердились, прикрикнули и велели убираться прочь. Отойдя подальше, слепой «дид» сразу стал зрячим и подмигнул Алесю.

— Чуешь?—сказал он.— У них у самих, шибеников, вечерять нечем. Кони, чуешь, беспокойные, некормленные... А на хари ихние подивись — как у баб на похоронах. Слышал я, кажут, что Петрово войско недалече...

Подойдя ночью к роще, Пузо защёлкал соловьём, да так лихо, что Алесь разве селился. И ещё интереснее

получилось, когда из рощи ответил целый соловьиный хор.

— Наши,— уверенно сказал Пузо.

Выслушав рассказ Пуза, атаман взъерошил бороду и сказал задумчиво:

— Хлопцы, будет час, налетим и на самый лагерь!

Алесь с братом в эту ночь были караульными. Они сидели на опушке леса с топорами и пистолетами. Кругом стояла тихая ночь. Звёзды горели так ярко, как никогда не горят они на севере. Приложив ухо к земле, можно было услышать смутный гул.

— Это за Ворсклой,— сказал Ярмола.— Петрово войско идёт...

Оба молчали несколько минут.

— Негоже,— сказал Алесь,— что я поручикову сумку не довёз.

— Нужна Петру твоя сумка! — отозвался Ярмола.— Он о буквах нынче не думает...

— Думает,— сказал Алесь,— а то не слал бы гонцов с письмами из военного похода. Всё про книги приказывал...

— Откудова знаешь?

— Дедушка Ефремов говорил.

Ярмола помолчал и вздохнул.

— Зря бросил ты дело книжное, браток,— проговорил он,— в наших Смолятичах ведь никто читать не умел. Ты первый выучился... И Москву увидал.

Алесь не отвечал.

— Ворочайся в Москву, брат,— неожиданно сказал Ярмола,— там дело великое — книги. А в Смолятичах найдётся кому за тебя на попас ходить... А?

Алесь не отвечал. Вспомнил он великий город, его золотые маковки, разъезженный телегами бревенчатый настил Никольской улицы, роскошные ворота Печатного двора, сосредоточенные лица справщиков и длинные ряды книг...

Сильна Москва ученьем — и всегда была сильна.

В эту ночь приснился ему сон: будто слышен вдали горластый перезвон московских колоколов. Облака плывут по голубому небу над Кремлём. А вот и дедушка Ефремов, высокий, плечистый, смуглый и как будто печальный.

Алесь ждал, что дедушка что-нибудь скажет, и сам дедушка словно старался что-то сказать... но не сказал ничего. Вместо слов он поманил Алеся рукой и указал ему молоточком на свой верстак.

Алесь хотел сказать, что он дедушку понял, но и у него язык не повернулся. И тут Ефремов стал исчезать постепенно — сначала туловище, потом борода. Остались только глаза да морщинистый лоб, подвязанный ремешком. И глаза смотрели на Алеся ласково и скорбно.

«Дедушка Ефремов, ей-богу, я вернусь!» — закричал Алесь и проснулся.

Ему жалко было дедушку и стыдно, что обещал то, чего выполнить не мог, — ведь он не собирался возвращаться. А потом ему так грустно стало, что он целый день ни слова не вымолвил.

— Ну что, браток, — спросил его Ярмола уже к вечеру, — надумал что-нибудь?

— Ничего я не надумал, — рассердился Алесь и хотел было пойти чистить коней.

— Я почищу, — сказал Ярмола, — а ты ещё подумай...

В шведском лагере началась суматоха. Скрипели повозки, чавкали копытами лошади, тяжело лязгали лафеты пушек, возчики ругались на непонятном языке, трубные сигналы один за другим прорезали воздух.

— Выступают, ваше благородие,— замечал Тимоха,— слышите, обоз поехал?..

Через несколько минут вошёл краснолицый унтер и велел пленникам выходить. Их посадили на воз вместе с караульными.

Дорога вся была забита повозками. Пыль стояла столбом. Возчики стегали лошадей. Поминутно скакали мимо всадники в нахлобученных на уши треуголках. Ефремов, прищурившись, поглядывал кругом.

— Отходят от Полтавы,— шепнул он Тимохе,— видать, наши близко...

— Ваше благородие,— тихо сказал Тимоха,— а ежели нам податься в кусты? Я с двумя справлюсь...

— Постой,— отвечал поручик,— на открытом месте нельзя.

Обоз вытянулся длинной цепочкой и пополз под гору. Воз, на котором ехали пленники, оказался позади.

Поручик глазами указал Тимохе на тёмную рощицу справа от дороги. Тимоха чуть кивнул головой.

Воз ехал тихо.

Тимоха внимательно разглядывал своего соседа, сухопарого солдата с рыжеватыми усами. У этого солдата было в руках ружьё да сбоку в ножнах висел тесак.

— Ваше благородие,— прошептал Тимоха,— я у него возьму ружьё, а вы разом бросайтесь на дорогу — да в зелень... Унтер-то будет стрелять, да я и с ним справлюсь...

Всего этого не пришлось делать. Только въехал на узкую дорожку в лесу, как раздался крик, в воздухе замелькали топоры и рогатины, загремели выстрелы. На дорогу спереди и сзади воза посыпались люди в бараньих шапках и холщовых рубахах. Лошадей остановили, унтеру отвесили удар обухом по затылку.

Поручика и Тимоху ухватили и потащили в сторону. Прежде чем они успели сообразить, что с ними происходит, как уже оказались в роще. Там на прогалине стояли два человека: один широкий, как ворота, с большой чёрной бородой; другой был мальчик лет двенадцати, золотоголовый, веснучатый, сильно загорелый.

— В который раз с тобой на дорогах встречаемся! — удивлённо сказал Ефремов, сбрасывая пыль с усов. — Ты что, Алесь, пристал к разбойникам, что ли?

— Тут разбойников нема, пан военный,— прогремел человек с чёрной бородой,— а есть вольные люди, которые по своей охоте воюют с королём и Мазепою!

— Господин поручик,— добавил Алесь, радостно улыбаясь,— так, может статься, и дальше поедем?

— Вот как! А кони наши где?

— Есть ваши кони.

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ

Во второй половине ночи за Будищенским лесом слышен был гул пушек.

Поручик слез с лошади и отправился на разведку. Вернулся он через час с озабоченным лицом.

— Чуть было не угодили мы к шведам, — сказал он, — с ночи был бой великий. Шведы уходят

в Будищенский лес. Стало быть, поедem теперь влево, к Семёновке.

— Наши победили? — спросил Алесь.

Поручик покачал головой.

— Рано хвастаться, — сказал он, — всё поле в дыму, пальба такая сильная, какой до сего времени и вовсе не было... Кажись, попали неприятели под наши ядра...

Поехали к Семёновке. Не успели обогнуть Будищенский лес, как пальба началась снова. Облака дыма поднялись над лесом, как будто лес горел. Земля кругом содрогалась и гром громыхал, как при сильной грозе.

С холма, возле Семёновки, перед всадниками открылась картина, при виде которой поручик стремительно остановил лошадь, а Тимоха зажмурился.

Большое поле между сёлами Семёновкой и Яковцами всё кишело людьми. Слева двумя длинными линиями стояли батальоны в русских зелёных мундирах. Ближе к Семёновке таким же образом зеленела стройно поставленная кавалерия.

С правой стороны одной линией стояли шведские солдаты в синих мундирах с жёлтыми перевязями, а по бокам гарцевала шведская кавалерия.

Ветер трепал бесчисленные знамёна и нёс над полем белые клубы дыма. Пушкари стреляли, заряжали и тащили пушки. Вдали, на юге, виднелись крыши и колокольни Полтавы, усеянные народом.

Солдаты то и дело брали ружья к плечу, и залп грохотал за залпом от одного конца линии до другого. После каждого залпа ветер относил в сторону тучу дыма.

— Ваше благородие,— подал голос Тимоха,— надобно ехать в объезд, тут не проедешь...

— Постой,— промолвил поручик.

На поле разом затрещали сотни барабанов. Синяя шведская пехота тронулась с места и стеной покатилась на восток, навстречу дыму и ветру.

Но и русская зелёная пехота тоже пришла в движение и пошла навстречу шведам.

Обе стены, зелёная и синяя, встретились посре-

ди равнины. Засверкали штыки, послышались крики, лязг оружия, громкая команда, прерываемая выстрелами из ружей и пистолетов. Поднялась пыль.

С холма трудно было уследить за тем, что происходило на поле. Дым то закрывал обе армии, то рассеивался. Видно было, как напряжённо шагают в атаку, нагнув штыки, батальон за батальоном. Мелькали фигуры офицеров с высоко поднятыми шпагами. Лошади ржали, дыбились и галопом неслись по полю, потеряв всадников. Иногда поле на миг пустело, и среди истоптанной пшеницы видны были тела убитых, лежавшие то в одиночку, то грудами. Из этих скоплений тел торчали штыки и алебарды.

И снова по избороздённому полю бежали шеренгами солдаты в зелёных мундирах с криком «ура!»...

Час шёл за часом. Алесю казалось, что это будет продолжаться бесконечно.

Шведы атаковали отчаянно. Сбоку, с опушки дальнего леса, по ним палила русская артиллерия. Ряды синих мундиров редели и смешивались под градом ядер. Алесь видел, как шведские конники несколько раз налетали на русские батальоны и откатывались в беспорядке.

На поле будто бы всё замирало на несколько минут и начиналось сызнаова.

— Господин поручик, — устало спрашивал Алесь, у которого лицо покрылось пылью и глаза покраснели от жары и напряжения, — когда же конец придёт?

— Терпи, Алексей, — отвечал поручик, — да не вылезай на поле, а то шальная пуля убьёт. Сиди за дубом.

И в самом деле, в ветвях деревьев часто слышался заунывный звук, как будто комар звенел, а после этого раздавался гулкий треск — это пуля ударяла в дерево. К подножию холма, на котором находились путники, два или три раза подкатывались шипящие ядра.

— Господин поручик,— кричал Алесь из-за дуба,— что там делается?!

— Терпи,— отвечал поручик,— видишь, не могут прорваться шведы... Смотри, Тимоха, наши палят из закрытия... Под самый огонь попали королевские полки... Ну, славен был король Карлус на полях воинских, да нынче нашла коса на камень...

Алесь словно остолбенелый глядел на большое сражение. Ему никогда не приходилось видеть, как люди убивают друг друга сотнями, как прыгают по полю металлические шары, как взлетают вверх тела людей и лошадей и комья земли... Грохот, свист ядер, удары, звон оружия, топот и полог пыли, повисший, как туман, над полем,— всё это казалось ему страшным сном.

Солнце поднималось всё выше. «Ура!» — гремело всё громче. И чем страшнее казалось всё это Алесю, тем веселее становился Ефремов.

— Что, ваше королевское величество,— восклицал он,— не вернуть старину ни пульей, ни штыком!.. Вы думали, не велико дело с толпой московской справиться? Ан нет, нынче у нас толпой войска не ходят... Гляди, Тимофей, сдаются неприятели, ей-богу, сдаются! Эх, жаль, что мы запоздали!..

И в самом деле, в дыму сражения видно было, как постепенно склоняются к земле знамёна Карла XII. Всё поле теперь затоплено было зелёными мундирами. Вдали в туче пыли переливались молниями клинки кавалерии. К полудню конные

преследовали уже уходящего противника. По всему полю русские трубы играли марш. Из Полтавы долетал колокольный перезвон, и всё это смешивалось в бурю звуков, оглушившую Алеся.

— Что же это, господин поручик?—слабо спросил он.

— Победа полтавская! Запомни на всю жизнь!

* * *

Поручик с Алесем добрались до царского шатра только ввечеру. Шатёр стоял посреди русского укреплённого лагеря, к северу от деревни Яковцы.

Шатёр с большим чёрным орлом был освещён изнутри и казался золотым. В нём слышались голоса. Несколько человек стояло снаружи. Все они держали под мышкой треугольные шляпы с султанчиками, а по плечам у них были распущены пышные локоны. Это были генералы. Среди них выделялся человек огромного роста. Алесь никогда таких высоких людей не видал и подумал сначала, что этот человек стоит на ходулях, но, подойдя поближе, увидел, что ходуль никаких у него нет, а на тонких ногах высокие чёрные сапоги. Шляпы на этом великане не было. Ветер шевелил его волосы вокруг небольшого, но очень живого лица с быстрыми чёрными глазами.

Поручик сдёрнул шляпу и приготовился уже махнуть ею в поклоне. Но тут высокий человек сделал ему знак над головой генерала и сказал радостно:

— Вот ещё подарок! Ефремов! Приблизься!

Поручик приблизился. Алеся кто-то толкнул в бок, и чей-то голос прошептал ему на ухо: «Сними шапку, дурень, это государь!»

— Что привёз, Ефремов,— продолжал Пётр,— те ли книги, о которых я в Москву отписывал?

— Оттиски привёз, государь,— отвечал Ефремов с новым поклоном.

— Давай сумку!

Пётр вытащил из сумки папку, раскрыл её и показал генералам два небольших листочка бумаги, покрытых печатными знаками.

— Прошу взглянуть, господа генералы! Сие есть новоизобретённая азбука российская с изображением письмен древних и новых... Что тут?.. Эх, не то, не то... Подайте перо!

К Петру подбежал молодой человек с большим гусиным пером и чернильницей. Пётр схватил перо и стал черкать по бумаге.

— «От», «о», «пси» не надобны... Литеру «буки», также и «покой» переписать, зело дурно сделаны... Кто буквы отливал?

— Печатного двора словолитец Александров, дяди моего покойного ученик...

— А наборщики?

— Никитин, Постников, Пневский, Васильев, Гаврилов, Сидоров... Они же челом бьют, государь, просят прибавки...

— Постой, — сказал Пётр, — а где московские голландцы?

— Срок вышел, государь, их дело сделано.

Пётр посмотрел на ли-

стки, которые держал в левой руке, и заложил перо за ухо.

— А ведь не худо научились! Однако большие славянские литеры делать не велю... Поликарпов что?

— Здравствует, государь...

— Он, чай, поболее моего здравствует? Хитёр, долгополый! Киприанов что?

— Сделал календарь, ваше величество...

— Ландкарты нам надобны более, чем календарь! Мы ему о том завтра отпишем... Макаров! Дай чернила!

Пётр обмакнул перо в чернильницу и стал быстро писать что-то на бумажках, привезённых поручиком. Перо у него сломалось, и он с раздражением бросил его на землю. Секретарь подал ему другое перо и подставил свою спину вместо стола.

— Ефремов! — сказал Пётр. — Скачи завтра поутру в Москву! Секретарь наш даст тебе бумаги запечатанные, ты их доставишь графу Мусину-Пушкину в собственные руки. Это кто?

— Сирота, государь, покойного дяди моего Михайлы Ефремова выученик...

Пётр посмотрел на Алесь и улыбнулся.

— Маловат для дела, — сказал он. — Эй, юноша, приблизься... Да поклонись, сделай милость, я ведь старше тебя... Вот так! Что тебе, юноша, сделать? Хочешь — в пехотный полк велю записать барабанщиком?

— Вели меня в Москву, — отвечал Алесь.

— В Москву? — удивился Пётр. — Это куда же?

— На Печатный двор, книги делать.

Пётр молчал долго.

— Господа генералы, — сказал он, обращаясь к свите, — таковой просьбы на войне, кажись, ещё

никто не слыхивал... Будь по-твоему, юноша... Господин секретарь, извольте о сем составить, а я подпишу. Ефремов, поздравь меня с победою да ступай отдыхать! Господа генералы российские и иностранные, прошу пожаловать к столу!

Он скрылся в шатре.

— Что же ты?.. — сказал Алесю Ефремов. — Не ты ли просился в военный поход, на коне скакать?

— Я от походов не отказывался, — отвечал Алесь.

— Гляди, как бы тебя в монахи не отдали...

— Нет, — твёрдо отвечал Алесь, — не отдадут, теперь я московский типографщик!

* * *

Топ-топ-топ... Топ-топ-топ...

Алесь уже привык к этому размеренному звуку. Скакали они втроём от Полтавы к Ахтырке, с поручиком и Тимохой. Но теперь у Алесья была своя лошадь.

К вечеру поручик, который вырвался далеко вперёд, вдруг остановил своего коня и замахал рукой Тимохе и Алесю.

— Оставайтесь на месте! — крикнул он издали.

— Что за дьявольщина, — устало промолвил Тимоха, — кто-то опять лежит возле дороги... Ну, теперь уж нас просто не проведёшь!

— Алексей, при тебе ли тесак?

— Есть тесак, — отвечал Алесь.

— Держи его наготове, — сказал Тимоха и вытащил пистолет.

— Засада? — спросил Алесь.

— Уж одна таковая была, — пробурчал Тимоха, — и тоже на пути человек лежал. Приманка!

Поручик слез с коня, постоял, потом вскочил обратно в седло.

— Езжайте! — крикнул он и поскакал галопом.

Тимоха с Алесем ударили коней и едва догнали Ефремова на дороге.

— Поскорей поедem,— отрывисто произнёс поручик,— а то к ночи в Ахтырку не успеем. Вишь ты, и тучи собираются...

Уже подъезжая к Ахтырке, Алесь спросил:

— Кто лежал сбоку дороги?

— Солдат неприятельский,— отвечал поручик,— пулею убит.

— Мёртвый?

— Покойник,— неохотно отвечал Ефремов.— Погоняй, погоняй, а то гроза грянет.

Топ-топ-топ... Через две недели всадники въехали в Москву.

КНИЖНОГО ДЕЛА УМЕЛЕЦ

— Разверни пошире,— торжественно проговорил Киприанов.

Алесь вытер руки о фартук и развернул пошире. Это были большие раскладные листы с картинками. «Календарь или месяцеслов... Напечатан в царствующем великом граде Москве... Изобретением от библиотекаря Василья Киприанова»... Тут были и луна, и солнце, и затмения, и «фигуры» зимы, весны, лета, осени, и советы полезные, и стихи.

Мечта Киприанова исполнилась.

— Отменно сделано,— сказал Алесь.

— Позади «Василия Блаженного» библиотека

строится, — хвастался Киприанов, — где и книги, и чертежи любые можно будет за столами развёртывать и читать... Там же чай с сахаром и разные кумплименты...

Алесь посмотрел на сияющее, круглое, гладкое лицо Киприанова и невольно улыбнулся.

— Ежели позволите — и я к вам приду, господин библиотекарь, чай пить...

Киприанов осклабился и нагнулся к уху мальчика:

— Переходи совсем ко мне... Что тебе у скзалыги Поликарпова делать? У меня дело настоящее, на нынешний светский лад!

— Я у вас уже бывал, — отвечал Алесь, — мне ещё надобно учиться. Хочу и буквы лить, и набирать, и печатать, как Иван Фёдоров.

— Дьякон-то? Который некогда духовные книги печатал? — недовольно спросил Киприанов.

— Он первый типографщик был на Руси!

— Ну, нынче первый типографщик на Руси это я, — твёрдо сказал Киприанов, — а впрочем, будь здоров, оставайся при своём...

И он гневно застучал тростью по ступенькам лестницы.

Алесь теперь был учеником на Печатном дворе. Начал он с того, что тянул рукоятки пресса на печатном стане и убирал мусор. Сейчас он уже учился набирать строчки. Волосы его были подвязаны ремешком, как у дедушки Ефремова, и так же, как Ефремов, говорил он мало и веско.

Дверь открылась, и в комнату шагнул молодцеватый офицер с обветренным лицом — поручик Ефремов.

— Ребята, готовьтесь, — сказал он таинствен-

но,— государь к вам на двор едет! Алексей, подойди ко мне!

Алесь подошёл поближе.

— Помнишь, как мы с тобой после Полтавы скакали?

— Как же, помню, господин поручик...

— На пути тело лежало. Я тебе не сказал кто... Длинноносый это был!

— Который за вашей сумкою охотился?

— Он! И убили его не пулею, а топором. Сейчас только пришло мне в разум, кто его порешил...

— Кто же?

— Атаман Ястреб!

Поручик был так доволен своим открытием, что повторил весь рассказ, энергично похлопывая себя ладонью по нагрудной бляхе.

— А его королевское величество-то! Еле ноги унёс! И знаешь куда? К туркам! Ого! А сулился быть на Москве!

— А вы куда поскачете?

— Завтра на рассвете в город Санкт-Питербурх с бумагами...

На дворе зашумели. Ворота распахнулись настежь. Въехали несколько конных. Граф Мусин-Пушкин появился в парике, без шляпы, на крыльце, устланном ковром. За ним выплыл, скромно опустив голову, Поликарпов.

Подъехали крытые сани, открылась дверца, и длинная, худая нога в тяжёлом башмаке с медной пряжкой решительно ступила прямо на ковёр. Все кругом поклонились в пояс.

Алесь и поручик находились в правильной палате, когда дверь распахнулась и в тихое, пропахшее бумагой и свечами помещение ворвались топанье

башмаков и стук палки. Пётр быстро шёл, опираясь на толстую трость, склонив набок голову. Усы его топорщились, длинные волосы были отброшены назад, чёрные брови на круглом темноватом лице казались наведёнными углем, щека подрагивала.

Ему поднесли «Ведомости», недавно напечатанные новым шрифтом. Он прочитал их и поморщился.

— Слов важных много,— сказал он,— печатаем не праздной ради красоты, а для вразумения и наставления чтущему. Литеры же надобны тонкие и ясные, дабы читать было легче и быстрее.

Он остановился и задумался. Глаза его бегали по расписанным голубой краской сводам правильной палаты.

— Господин секретарь, пиши,— сказал он,— в нашем Питербурхе скоро типографию завести. Ибо граду святого Петра быть столицею. Литеры же российской азбуки утвердить навечно, каковыми книгами отныне печатать и детей учить! Господа типографщики! Вам всем велю трудиться рук не покладая. Вы нам не менее надобны, нежели войски или строители крепостные. Все России служим. За мной!

И он понёсся в следующую палату. Оттуда долетел его отрывистый, хрипловатый голос:

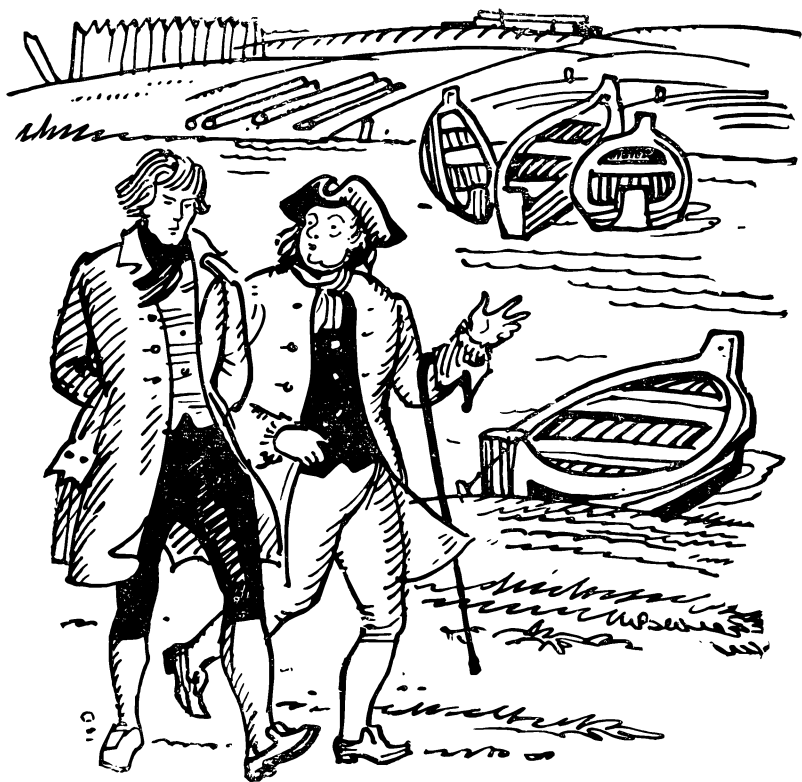
— Секретарь, пиши, походный стан построить, с собой в дальние походы брать. И к тому обучить людей, умеющих быстро листы составлять и печатать... Прошу за мной, за мной!

Стук палки затих вдалеке.

— Слышал приказ? — сказал поручик Ефремов.— Авось ещё не раз на дорогах встретимся, друг любезный Алексей!

Не знаю, встретились ли ещё Алесь с Павлом Ефремовым. Оба они не мало в жизни повидали дорог, рек и городов.

Через заскорузлые руки Алеся прошло много книг. Шрифт в этих книгах менялся, но буквы становились всё красивее и стройнее, и с каждым

годом их становилось всё больше. Говорилось в этих книгах и о математике, и о механике, и об истории, и о географии, и о военном деле, и о медицине. Были здесь и учебники, и словари, и описания звёздного неба.

Жили типографщики небогато. Алесь получал в год пятьдесят рублей и несколько пудов хлеба. Иногда вместо жалованья ему выдавали книги для

продажи. Но покупателей было мало, и Алесь ставил книги на полку.

По воскресным дням бродил он по Москве — коренастый, худой, со светлыми волосами, стриженными в скобку. На нём был потёртый кафтан, чулки и тяжёлые башмаки.

Мальчишки, которые сидели с удочками на зелёном берегу реки Неглинной в надежде выловить пескаря, знали, что это «дяденька с Печатного двора».

Рядом с «дяденькой» часто появлялся маленький круглый человечек в большой треугольной шляпе и с палкой в руках. Человечек был очень живой. Он говорил безостановочно, а «дяденька» шёл, заложив руки за спину, и слушал. Мальчишки-рыболовы слышали только отдельные фразы:

— Поликарпов всех вас по миру пустит! Пропитание ваше скудное, ученики по дворам ходят, просят хлеба кусок... То ли дело у меня! Мою библиотеку...

— Знаю я вашу библиотеку, Василий Анофриевич, — отвечал ему «дяденька», — дом до сего времени не построен...

— За пожарным оскудением и разорением! Однако дай срок — будет!

Срок у Василия Киприанова оказался невелик. Он через несколько месяцев умер.

Алесь продолжал расхаживать по Москве один, задумчивый и молчаливый.

Он переходил по шаткому деревянному мосту через узкую и мутную речку Неглинную и брёл мимо лавок гудящего Охотного ряда, дальше по Моховой, туда, где заходящее солнце золотило купол

церкви «на Сапожках», где от круглой башни Ку-тафьи начиналась Смоленская дорога.

По этой дороге он когда-то прискакал в Москву с поручиком Ефремовым.

На сотни вёрст в сторону заходящего солнца тянулась эта дорога, в край, одетый рыжими соснами. Там он родился.

Он останавливался возле высокого забора Аптекарского двора. За забором лаяли собаки. Здесь в каменных погребках хранились не только лекарственные травы, но и мясо, и рыба, и овощи для царского стола.

Он долго смотрел на румяное небо над низкими крышами и колокольнями Арбата. По Москве плыл протяжный звон.

Город заканчивал свой день.

Но что это? И Моховая, и Аптекарский двор, и колокольни, и одинокая фигура московского типографщика словно подёрнулись светлым туманом. Они тают в пылающем облаке заката, и на их месте появляются новые дома и люди.

Улица залита асфальтом. По асфальту, шурша, несётся поток автомашин. Сотни красных огней текут от центра к мосту через Москву-реку.

Это сегодняшняя Москва. Холм Аптекарского двора оделся в камень. Над ним появился высокое серое здание с колоннами. На крыше каменные фигуры. Между колоннами снуёт множество людей. Они входят и выходят из этого здания, ныряют в подземные коридоры, над которыми в сумерках горит красная буква «М» — ход в метро.

Это Ленинская библиотека.

Здесь стоят на полках миллионы книг — почти все книги, когда-либо напечатанные на русском языке. Идём под колоннами. Дворик. Плещет

фонтан, украшенный пастью дельфина. Дальше входим и поднимаемся на четвёртый этаж.

Ещё одна тяжёлая дверь. За ней большой тихий зал. Чуть поблёскивают стёкла витрин — «отдел редких книг».

Вот они — под стеклом — книги, которые печатал Алесь:

«Геометрия славенски землемерие. Издадеся новотипографским тиснением»...

«Книга Марсова, или воинских дел от войск царского величества российских совершенных»...

«Поверенные воинские правила, како неприятельские крепости силою брати...»

Вот первый оттиск азбуки, который путешествовал на войну в сумке поручика Ефремова. На нём надпись, сделанная нервной рукой Петра: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги, а которые подчернены, те в вышеписанных книгах не употреблять».

Славные книги, славные буквы — круглые, чистые, стройные!

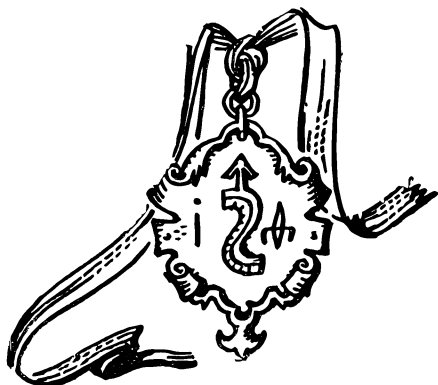
Фамилия Алеся нигде не проставлена. Мы не знаем его фамилии. Может быть, и звали-то его вовсе не Алесь, а как-нибудь по-другому...

Старик Ефремов, словолитец, — тот определённо был. Вот его фамилия и подпись: «К сей азбуке пунцоны, и материцы, и формы делал, и руку приложил Михайло Ефремов».

И ещё был совсем давно Иван Фёдоров. Вот его «Апостол», с красными и чёрными буквами. Напечатана была эта книга в сумрачные времена Ивана Грозного.

Иван Фёдоров — «москвитин», отец русских печатников. От него пошла прямая дорога до наших дней.

Честь печатникам, честь справщикам, словолитцам, наборщикам, гравёрам, переплётчикам, библиотекарям! Славная память Ивану Фёдорову! Запомни его знак:

О Г Л А В Л Е Н И Е

Смоленский шлях	3
Корчма	9
Московский Печатный двор . .	16
Буквы и люди	26
Поликарпов	33
Мастера и подмастерья	40
Ефремов уходит навсегда . . .	49
Всё дальше к югу	56
При звёздах и при луне	62
Его величество король	75
Хлопцы атамана Ястреба . . .	84
Было дело под Полтавой . . .	90
Книжного дела умелец	100

К читателям

**Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.**

Для младшего возраста

Рубинштейн Лев Владимирович

АЗБУКА ЕДЕТ ПО РОССИИ

Ответственный редактор

Г. А. Дубровская

Художественный редактор

Н. Г. Холодовская

Технический редактор

З. М. Кузьмина

Корректоры

М. Б. Шварц и Е. И. Щербакова

Сдано в набор 19/VIII 1971 г. Подписано
к печати 23/XI 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,53 (Уч.-изд. л.
4,9). Тираж 100 000 экз. ТП 1972 № 440.
Цена 31 коп. на бум. № 1. Ордена Тру-
дового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Комитета по пе-
чати при Совете Министров РСФСР. Мо-
сква, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1 Росглав-
полиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Су-
щевский вал, 49. Заказ 2760.

Книга отпечатана на лусковой бумаге
Сыктывкарского ЛПК

**Прочитайте книги, выпущенные издательством
«Детская литература» для начальной школы:**

Алексеев С.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ.

Вронский Ю.

ЮРЬЕВСКАЯ ПРОРУБЬ.

Повесть о героической борьбе русского на-
рода с иноземными захватчиками в
XV веке.

Гумилевская М.

КАК ОТКРЫВАЛИ МИР.

Исторические рассказы о Великих геогра-
фических открытиях, о том, как открытие
новых материков изменяло лицо мира.

Жданов Н.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ПОВЕСТЬ.

Историческая повесть, в которой расска-
зано о судьбе мальчика и многих подлин-
ных событиях великих Октябрьских дней.

Цена 31 коп.